

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»
(наименование)

40.04.01 Юриспруденция

(код и наименование направлению подготовки)

Уголовное право и процесс

(направленность (профиль))

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)

на тему «Актуальные проблемы квалификации вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений»

Обучающийся

Л.А. Воробьева

(Инициалы Фамилия)

(личная

подпись)

Научный
руководитель

канд. юрид. наук, доцент, С.В. Юношев

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2025

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1 Теоретические основы уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений	7
1.1 Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления в истории отечественного уголовного законодательства.....	7
1.2 Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления по законодательству зарубежных стран	11
Глава 2 Уголовно-правовая характеристика вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления	20
2.1 Объективные признаки вовлечения несовершеннолетних в совершение преступления.....	20
2.2 Субъективные признаки вовлечения несовершеннолетних в совершение преступления.....	36
Глава 3 Проблемные аспекты квалификации вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления	46
3.1 Проблемные аспекты квалификации вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления при наличии квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков.....	46
3.2 Отграничение вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления от смежных составов.....	53
Заключение	61
Список используемой литературы и используемых источников.....	64

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что несовершеннолетние относятся к числу наиболее незащищенных социальных групп в силу своей психологической уязвимости. В связи с этим государство должно уделять особое внимание их охране и защите от любых противоправных посягательств. Одним из наиболее важных вопросов здесь является защита несовершеннолетних от вовлечения в преступную деятельность, которая негативным образом сказывается на их воспитании и деформирует правосознание. Несмотря на столь высокую значимость, отдельные механизмы уголовно-правовой охраны несовершеннолетних от вовлечения в совершение преступлений имеют ряд проблемных аспектов, которые требуют скорейшего решения. Одной из таких проблем, на наш взгляд, является недостаточно полный круг специальных субъектов преступления, предусмотренный частью второй статьи 150 Уголовного кодекса.

Объект диссертационного исследования – общественные отношения, складывающиеся по поводу уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления.

Предмет диссертационного исследования – правовые нормы, закрепляющие ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления, судебная практика, учебная и научная литература по исследуемой теме.

Целью настоящего исследования заключается в выявлении проблемных аспектов уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления в Российской Федерации.

Для достижения поставленной цели нами были определены следующие задачи:

- рассмотреть развитие уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления в истории отечественного уголовного законодательства;
- изучить законодательство зарубежных стран на предмет уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления;
- проанализировать объективные признаки вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления в отечественном уголовном законодательстве;
- проанализировать субъективные признаки вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления в отечественном уголовном законодательстве;
- выявить проблемные аспекты квалификации вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления при наличии квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков;
- определить признаки, разграничивающие вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления от иных смежных составов.

Различные аспекты темы настоящего исследования являлись предметом работ М.Г. Аутлева, М.В. Ивановой, А.В. Осипьян, А.С. Кубатбековой, А.В. Ткаченко, З.Р. Хановой.

Теоретическую базу диссертационного исследования составляют работы следующих ученых: О.Р. Алиевой, В.С. Бирюковой, В.Б. Боровиковой, Д.В. Вильмовой, В.Т. Гайкова, В.М. Гарманова, А.А. Золотухиной, В.М. Исакова, Е.П. Коровина, А.С. Кубатбековой, Ч.Ш. Купировой, Э.Б. Лазарева, Л.З. Одинцовой, С.И. Осмоловской, Д.В. Павлова, Ю.Е. Пудовочкина, А.В. Пушкина, А.П. Семинской, Е.З. Сидоровой, Е.А. Таюрской, А.С. Тихомировой, А.В. Травникова, Р.А. Факовой, Г.Ю. Чумаковой.

Проведенное диссертационное исследование позволило сформулировать и обосновать следующие выводы, выносимые автором на защиту:

- на сегодняшний день имеется особая необходимость внести изменения в часть четвертую статьи 150 Уголовного кодекса относительно вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений на территории образовательных учреждений. Мы предлагаем изложить указанную норму в следующей редакции: «деяния, предусмотренные частями первой, второй или третьей настоящей статьи, связанные с вовлечением несовершеннолетнего в преступную группу или в совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, либо в совершении преступления на территории образовательного или специального учебно-воспитательного учреждения...»;
- отсутствие указания в уголовном законе на осведомленность о возрасте несовершеннолетнего является скорее законодательным пробелом, нежели сознательным допущением, поэтому требуется скорейшее закрепление указанного признака в диспозиции статьи 150 Уголовного кодекса;
- предложенный законодателем перечень специальных субъектов, предусмотренных в части второй статьи 150 Уголовного кодекса, не охватывает всех лиц, которые в силу нахождения в одной семье, могут с легкостью вовлечь несовершеннолетнего в совершение преступления.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в разработке научных положений на тему уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления. Сформулированные в результате проведенного исследования выводы углубляют научные знания о способах и субъектах вовлечения

несовершеннолетнего в совершение преступления и могут быть использованы как основа для дальнейших исследований по теме работы.

Практическая значимость исследования заключается в том, что идеи и рекомендации, предложенные автором, могут быть использованы в учебном процессе при подготовке студентов-бакалавров. В частности, материалы данного исследования могут учитываться при разработке курса дисциплины «Уголовное право».

Нормативную базу исследования составляют: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, Уголовный кодекс Российской Федерации, Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации».

Эмпирическую основу исследования составляют материалы судебной практики, обзоры судебной практики субъектов Российской Федерации.

Отдельные выводы диссертационного исследования были использованы автором при подготовке материалов для публикации в научном журнале «Студенческий».

Методологическую основу диссертационного исследования составляют общенаучные и специальные методы. В число общенаучных методов познания входят: синтез, анализ, сравнение, дедукция, индукция, диалектический метод. К числу используемых в данной работе специальных методов относятся: историко-правовой метод, формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод, метод правовой статистики.

Структура диссертационного исследования определена введением, тремя главами, заключением, а также списком используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Теоретические основы уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений

1.1 Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления в истории отечественного уголовного законодательства

Рассматривая уголовное право Древней Руси, можно отметить, что в основном законодатель использовал запреты на совершение определенных действий, которые могут причинить вред детям. Сам же ребенок и детство не рассматривались законодателем в качестве самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны. В свою очередь нормы, которые так или иначе затрагивали интересы детей, были нацелены на охраны иных общественных интересов и ценностей. Такое положение вещей было актуально длительное время. Так, в работе Д.В. Павлова отмечается, что в праве в промежуток с античного мира до середины 19 века законодатель не рассматривал детство как особо охраняемый промежуток жизни человека. Законодатель не закреплял особых правил относительно защиты несовершеннолетних в суде, местах лишения свободы и так далее. То есть несовершеннолетний при совершении преступления приравнивался к взрослым преступникам [26, с. 123].

«Осознание важности уголовно-правовой защиты интересов несовершеннолетних пришло законодателю в 19 веке. Тогда было принято Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. В контексте данного исследования указанный нормативно-правовой акт представляет особый интерес, поскольку этот документ впервые закрепляет составы преступлений, направленных на противодействие вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность» [26, с. 123]. Так, в статье 2079 Уложения было закреплено следующее: «Родители, чрез употребление во зло своей власти, или посредством преступных внушений,

вовлекшие умышленно несовершеннолетних детей своих в какое-либо преступление, подвергаются за сие, хотя бы они сами в том преступлении непосредственного участия не принимали: высшей мере наказания или взысканий за то преступление в законе определенных» [57]. Аналогичное положение было предусмотрено статьей 2093 указанного нормативно-правового акта, но ответственность была закреплена для опекуна в отношении лица, вверенного его опеке. Таким образом, законодатель установил ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступного деяния. Но в качестве субъектов данного преступления обозначил родителей и опекунов, то есть, в качестве квалифицирующего признака указал возможность законного представителя в силу своего положения оказывать влияние на поведение несовершеннолетнего, ставить для него ценностные и нравственные установки. Законодатель не усмотрел общественной опасности в том, что несовершеннолетние могут быть вовлечены в преступления другими лицами, на которые не возложена обязанность по их воспитанию. Например, те ситуации, когда ребенок остается в силу тех или иных обстоятельств без должной опеки и попадает под антисоциальное воздействие преступников, наркоманов, алкоголиков. При этом нельзя оставлять без внимания тот факт, что законодатель все-таки затронул вопросы уголовной ответственности в вопросе воспитания несовершеннолетних, которые ранее оставались вне правового поля.

Следующим важным нормативно-правовым актом, развивающим тему ответственности за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений, является Новое Уголовное Уложение 1903 года. В главе 19-ой указанного акта были закреплены преступления против прав семейных. «Статья 420-я закрепляла ответственность родителя, опекуна, попечителя или имеющего надзор за несовершеннолетним за обращение несовершеннолетнего к нищенству или иному безнравственному занятию. Здесь законодатель несколько расширяет круг субъектов, используя формулировку, имеющий надзор за несовершеннолетним» [18]. Кроме того,

законодатель устанавливает ответственность не за вовлечение в совершение преступления, а за обращение к безнравственному занятию. На наш взгляд, подобная формулировка имеет свои достоинства и недостатки.

Последующие произошедшие революционные события в стране привели к смене власти, которая отрицала все прежние ценности и поставила перед собой задачу создать новое законодательство, которое бы отвечало актуальным задачам и установкам общества. Первым документом, на который стоит обратить внимание в рамках данного исследования, является Декрет СНК РСФСР от 4 марта 1920 г. «О делах несовершеннолетних, обвиняемых в общественно опасных действиях». В пункте пятом указанного нормативно-правового акта содержалось следующее указание: «При установлении преступного участия взрослых лиц в деле Комиссия сообщает подлежащему судебному или следственному органу об обнаруженных ею признаках преступного участия указанных лиц» [9]. При этом каких-либо конкретных указаний относительно непосредственной ответственности взрослого за вовлечение несовершеннолетнего в преступное деяние предусмотрено не было. Основная проблема на данном этапе заключалась в отсутствии единого уголовного законодательства. Но даже после создания первых кодифицированных актов данный вопрос не нашел своего развития. Так, в Уголовных кодексах от 1922 и 1926 года законодатель не уделил внимания вопросам ответственности за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления.

Соответствующий законодательный проблем был ликвидирован только в 1935 году, когда отсутствие необходимой государственной политики в области поддержки и защиты детства привело к значительному росту детской преступности. 7 апреля 1935 года вступило в силу Постановление «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних» [16, с. 87]. Пункт второй указанного документа устанавливал: «Лиц, уличенных в подстрекательстве или в привлечении несовершеннолетних к участию в различных преступлениях, а также в понуждении несовершеннолетних к занятию

спекуляцией, проституцией, нищенством и т. п. – карать тюремным заключением не ниже 5 лет» [28].

«27 октября 1960 года был принят новый Уголовный кодекс РСФСР, где нашли свое продолжение решения, принятые для противодействия преступности несовершеннолетних и защиты детства. Глава десятая указанного нормативного-правового акта была посвящена преступлениям против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения. В нее законодатель включил 210-ю статью, в которой была закреплена ответственность за вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность. Причем название статьи несколько уже по смыслу самой диспозиции нормы, помимо вовлечения в преступную деятельность ответственность по данной норме была установлена за вовлечение в пьянство, в занятие попрошайничеством, проституцией, азартными играми, а равно использование несовершеннолетних для целей паразитического существования. Во-первых, отметим тот факт, что законодатель при использовании понятия «пьянство» предусматривал систематическое употребление алкоголя, поскольку отдельно им были выделены составы 210.1 и 210.2, где была закреплена ответственность за доведение несовершеннолетнего в состояние алкогольного опьянения и вовлечение в потребление средств, влекущих одурманивание» [53]. То есть законодатель того времени определял опьянение только как алкогольное состояние, не включая в данное понятие наркотическое и токсикологическое опьянение. Во-вторых, законодатель не дифференцировал ответственность в зависимости от обязанности воспитывать несовершеннолетнего, поэтому закрепил простой состав при отсутствии квалифицирующих признаков.

По мнению В.Т. Гайкова, увеличение числа статей, закрепляющих уголовную ответственность за вовлечение несовершеннолетних в антисоциальную деятельность и направленных на защиту их интересов, стали основной причиной для закрепления отдельной главы Особенной части Уголовного кодекса, посвященной преступлениям против

несовершеннолетних [7, с. 50]. Мы разделяем позицию автора. Современный законодатель учитывал предыдущий опыт, а также принимал во внимание ошибки, связанные с оставлением без внимания вопросов регулирования ответственности за вовлечение несовершеннолетних в антисоциальную деятельность и возможные последствия, вызванные их совершением. Кроме того, свое последующее влияние оказало и гуманизация законодательства, обусловленная ратификацией Декларации прав и свобод человека и гражданина.

1.2 Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления по законодательству зарубежных стран

Изучение зарубежного опыта правового регулирования тех или иных вопросов способствует разработке предложений, направленных на совершенствование отечественного законодательства. Поэтому в рамках данного параграфа мы подробно рассмотрим зарубежный опыт противодействия вовлечения несовершеннолетних в антисоциальную деятельность. Зарубежный законодатель не оставляет без внимания тот факт, что несовершеннолетние на подсознательном уровне могут копировать поведение взрослого человека, который имеет для них авторитет. Причем проблема вовлечения несовершеннолетних в совершение преступления давно вышла за пределы внутригосударственного законодательства и находит свое отражение в международных нормативных актах [63, с. 190].

В первую очередь рассмотрим уголовное законодательство некоторых стран, входящих в состав Советского Союза. Уголовный кодекс Республики Беларусь устанавливает ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления в статье 170-ой. «Вовлечение лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, заведомо несовершеннолетнего в совершение преступления путем обещаний, обмана или иным способом» [49]. Диспозиция указанной нормы практически полностью повторяет отечественную вариацию

с одним исключением. Здесь законодатель акцентирует внимание, что для виновного отсутствие возраста совершеннолетия должно быть заведомо известно для виновного. Квалифицирующие признаки преступления в целом тоже совпадают, но отечественный законодатель проводит градацию и распределяет в зависимости от уровня общественной опасности сначала наличие обязанности по воспитанию несовершеннолетнего, а потом насилие или угрозы его применения как способ совершения преступления. В случае с белорусским Уголовным кодексом законодатель объединяет эти признаки вместе, тем самым приравнивая их общественную опасность. Особо квалифицирующим признаком по аналогии с отечественным законодательством выступает вовлечение в совершение тяжкого или особо тяжкого преступления. При этом в Уголовном кодексе Белоруссии нет отдельного упоминания политических и экстремистских преступлений, что на наш взгляд является упущением в условиях информационного противостояния, вызванного активной пропагандистской работы со стороны недружественных государств.

Аналогичные положения в уголовном законодательстве характерны большинству стран постсоветского пространства с незначительными изменениями. Так, в Уголовном кодексе Республики Казахстан максимальный срок лишения свободы за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления чуть выше и составляет шесть лет [50]. Уголовный кодекс Республики Молдова объединяет все особо квалифицирующие признаки в одну группу и отождествляет их общественную опасность. По аналогии с отечественным законодательством Уголовный кодекс Молдовы в качестве особо квалифицирующего признака выделяет вовлечение несовершеннолетнего в преступление террористической направленности [51].

«В свою очередь, статья 166 УК Республики Армения включает в состав преступления вовлечение несовершеннолетнего в систематическое употребление алкогольных напитков, немедицинское употребление сильнодействующих или иных одурманивающих веществ, проституцию,

бродяжничество или попрошайничество, совершение действий, связанных с изготовлением материалов или предметов порнографического характера. Этот подход законодателя характеризуется уже установлением исчерпывающего перечня наказуемых действий в рамках защиты одного объекта, что выглядит более удобным, нежели разграничение видов вовлечения несовершеннолетнего в различные формы антиобщественного поведения в главах и разделах УК РФ» [5, с. 285]. Мы не разделяем данную точку зрения, поскольку отечественный законодатель объединил практически те же самые деяния под категорией антиобщественные действия. В свою очередь, те действия, которые не входят в данную категорию, имеют более высокую или более низкую общественную опасность, что и обуславливает их выделение из общего состава.

В качестве исключения можно назвать Уголовный кодекс Грузии, где в принципе отсутствует норма, напрямую закрепляющая ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления. Так, указанный документ содержит статью 171-ю, которая закрепляет ответственность за склонение несовершеннолетнего к попрошайничеству или иным антиобщественным деяниям [46]. Можно было бы предположить, что формулировка «иные антиобщественные действия» позволяет привлекать по этой статье лиц, склонивших несовершеннолетнего к совершению преступления, но это будет неверно. В 2021 году Конституционный Суд Грузии принял решение, что указанная норма не может рассматриваться в качестве правового основания для привлечения лица к уголовной ответственности за указанное деяние. Соответственно, законодатель не рассматривает вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления в качестве отдельного состава, а оставляет данный критерий в качестве квалифицирующего при конструировании других норм Особенной части.

Отдельно можно обратить внимание на то, как вопрос охраны несовершеннолетних реализован в уголовном законодательстве Украины. Законодатель не выделяет защиту семьи и несовершеннолетних в качестве

самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны. При этом такой состав как вовлечение несовершеннолетнего в противоправную деятельность закрепляется в статье 304-ой. Указанная статья находится в разделе XII, который посвящен преступлениям против общественного порядка и нравственности. То есть основным объектом здесь выступает общественный порядок и нравственность. Диспозиция данной нормы более объемна, чем ее заголовок. Помимо противоправной деятельности она охватывает пьянство, занятие попрошайничеством и азартные игры. В качестве квалифицирующих признаков преступления, имеющих равную общественную опасность, выступают малолетний возраст несовершеннолетнего, а также наличие законной обязанности по воспитанию несовершеннолетнего [54]. «Это признают не только отечественные специалисты. Об этом много говорится в зарубежной литературе, посвященной проблемам ювенальной преступности и вовлечения несовершеннолетних в криминальную среду» [65, с. 7]. Особая опасность вовлечения малолетнего в совершение преступления заключается в следующем. «Во-первых, дети младших возрастов легче поддаются воздействию в силу того, что их личность не сформировалась в должной степени. Отсутствие собственного мнения делает их более «мягкими и податливыми» [62, с. 191]. «Во-вторых, неоднократные исследования в области психологии показали, что малолетний ребенок не способен правильно и адекватно оценить свои и чужие действия с точки зрения допустимости и законности» [64, с. 410].

Выходя в своем исследовании за пределы стран постсоветского пространства, А.П. Семинская обращает внимание, что, как правило, в уголовном законодательстве других стран имеется отдельная глава, посвященная преступлениям против семьи и несовершеннолетних (Испания, Польша, ФРГ). Но в уголовном законодательстве некоторых стран такая глава отсутствует (Китай, Голландия) [41, с. 97]. Так, в Уголовном кодексе Китая в статье 295-ой предусмотрена ответственность за обучение способам преступной деятельности, где обучение несовершеннолетнего

рассматривается в качестве квалифицирующего признака [48, с. 128]. На наш взгляд, подход законодателей Китая и Голландии не совсем корректный, поскольку отсутствие специальной главы подразумевает, что семья, детство и интересы несовершеннолетних не рассматриваются в качестве самостоятельного объекта преступления.

Рассматривая уголовное законодательство Испании, О.Р. Алиева обращает внимание, что в нем наиболее последовательно и всесторонне регламентирована охрана интересов семьи, хотя и отсутствует отдельная глава, посвященная защите интересов несовершеннолетних [1, с. 125]. Хотя Уголовный кодекс Испании весьма подробно регламентирует данный вопрос, в нем отсутствует норма, которая бы закрепляла ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления. Так, в статье 225 закрепляется ответственность за склонение недееспособного или несовершеннолетнего покинуть дом или место, где он проживает. В статье 233 установлена ответственность за тайное использование или предоставление малолетних, или недееспособных для занятия попрошайничеством [47]. Соответственно, мы можем сделать вывод, что даже при наличии четкой регламентации ответственности за преступления против семьи законодатель может не уделять должного внимания вопросам ответственности за вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность. Объяснение этому может заключаться в том, что на сегодняшний день основными проблемами в сфере защиты детства и прав несовершеннолетних являются попрошайничество и бродяжничество, в то время как детская преступность находится на низком уровне. В связи с этим законодатель не считает необходимым регламентировать уголовную ответственность по вопросам вовлечения несовершеннолетних и недееспособных в преступную деятельность.

Г.Ю. Чумакова обращает внимание на тот факт, что в ряде случаев зарубежный законодатель не закрепляет отдельного состава вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления, либо делает его составным

элементом другого общего состава преступления против несовершеннолетнего [61]. В целом мы разделяем данную позицию. Ярким примером такого подхода является уголовное законодательство ФРГ. Так, в параграфе 142 установлена ответственность за пренебрежение родительскими или иными возложенными обязанностями по воспитанию несовершеннолетнего. В качестве преступного результата таких действий указаны разнообразные последствия. Одним из них является способствование совершению несовершеннолетним уголовно наказуемых действий. При этом высшая мера наказания за такое преступление составляет два года лишения свободы [56, с. 153]. Данный пример позволяет нам сделать вывод, что зарубежный законодатель не всегда в должной мере серьезно относится к проблеме детской преступности и не видит необходимости закреплять отдельный состав вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления. Кроме того, на это обстоятельство указывает и достаточно мягкое наказание в сравнении с другими составами, проанализированными нами в ходе исследования уголовного законодательства других стран.

Отдельно можно обратить внимание на французское уголовное законодательство. Статья 227-21 Уголовного кодекса Франции устанавливает ответственность за прямое подстрекательство несовершеннолетнего лица к систематическому совершению преступлений или проступков [55]. В первую очередь стоит обратить внимание, что речь идет о подстрекательстве к систематическому совершению преступления. То есть данная норма не применима к тем случаям, когда речь идет об одном случае совершения преступления несовершеннолетним. При этом иные нормы французского уголовного законодательства не затрагивают данный вопрос. Только в тех случаях, когда речь идет о конкретных правонарушениях: попрошайничество (статья 227-20), транспортировка, хранение, передача наркотиков (статья 227-18-1), участие в съемках порнографических материалов (статья 227.24). Во-вторых, законодатель отдельно отмечает, что подстрекательство должно быть прямым. То есть попытки намекнуть, представить гипотетическую ситуацию,

создать определенные условия, по смыслу данной нормы не могут рассматриваться в качестве вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления. Отдельно можно отметить, что законодатель разделяет несовершеннолетних в зависимости от возраста. Такой вывод мы делаем, поскольку в качестве квалифицирующего признака в статье 227-21 законодатель установил, что действия, совершаемые в отношении несовершеннолетнего, который не достиг возраста пятнадцати лет, имеют повышенную опасность. Помимо этого, квалифицирующим признаком является место, где подстрекаемый несовершеннолетний систематически совершает преступление. Речь идет о школьных или воспитательных учреждениях.

На наш взгляд, опыт французского уголовного законодательства может быть интегрирован в нормы отечественного уголовного права. В связи с этим мы предлагаем дополнить статью 150 Уголовного кодекса Российской Федерации следующими квалифицирующим признаками. Во-первых, предлагаем изменить редакцию части третьей статьи 150 Уголовного кодекса следующим образом: «Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные с применением насилия или с угрозой его применения, а также направленные вовлечение несовершеннолетнего в систематическое совершение преступлений...». Во-вторых, часть четвертую статьи 150 Уголовного кодекса предлагаем изложить в следующей редакции: «деяния, предусмотренные частями первой, второй или третьей настоящей статьи, связанные с вовлечением несовершеннолетнего в преступную группу или в совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, либо в совершении преступления на территории образовательного или специального учебно-воспитательного учреждения...».

Отдельно мы можем отметить, что законодатели некоторых стран (например, Украины, Испании, Франции) проводят возрастную градацию и выделяют в качестве квалифицирующего признака вовлечение в антисоциальную и преступную деятельность малолетних. В статье 150

Уголовного кодекса Российской Федерации подобного разделения не наблюдается. Но при этом мы видим, что в отдельных статьях законодатель допускает такую градацию ввиду большей уязвимости малолетних. При этом непосредственно термин малолетний законодатель не использует. Обращаясь к главе 18-ой Уголовного кодекса, мы видим, что в качестве особо квалифицирующего признака законодатель указывает совершение преступления против половой свободы и неприкосновенности в отношении лица, не достигшего возраста четырнадцати лет. Кроме того, необходимо учитывать то обстоятельство, что нередко случаи привлечения к совершению преступления именно лиц, которые не достигли возраста четырнадцати лет, с целью избежать уголовную ответственность за самостоятельное совершение преступления. В этой связи мы видим, что вовлечение малолетнего в совершение преступления представляет большую общественную опасность в сравнении с простым составом вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления. В связи с этим мы рекомендуем дополнить часть вторую статьи 150 Уголовного кодекса квалифицирующим признаком: совершение деяния, предусмотренного частью первой, в отношении малолетнего. При этом обязательным условием такого нововведения станет дополнение статьи 150 Уголовного кодекса следующим примечанием: «Малолетним в рамках данной статьи признается лицо, которое на момент совершения преступления не достигло возраста четырнадцати лет».

В завершении темы данной главы мы можем сделать следующие выводы. Во-первых, условно историю становления и развития уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления можно разделить на три основных этапа: дореволюционной этап, советский этап, современный этап. Во-вторых, проанализировав зарубежное законодательство, мы предложили следующие варианты по совершенствованию уголовного законодательства в сфере противодействия вовлечению несовершеннолетнего в совершение преступления. Мы предлагаем изменить редакцию части третьей статьи 150 Уголовного кодекса

следующим образом: «Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные с применением насилия или с угрозой его применения, а также направленные вовлечение несовершеннолетнего в систематическое совершение преступлений...». Кроме того, нами было высказано мнение о целесообразности внести изменения в часть четвертую статьи 150 Уголовного кодекса предлагаем изложить в следующей редакции: «деяния, предусмотренные частями первой, второй или третьей настоящей статьи, связанные с вовлечением несовершеннолетнего в преступную группу или в совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, либо в совершении преступления на территории образовательного или специального учебно-воспитательного учреждения...».

Кроме того, зарубежный законодатель не всегда в должной мере серьезно относится к проблеме детской преступности и не видит необходимости закреплять отдельный состав вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления. Кроме того, на это обстоятельство указывает и достаточно мягкое наказание в сравнении с другими составами, проанализированными нами в ходе исследования уголовного законодательства других стран.

Глава 2 Уголовно-правовая характеристика вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления

2.1 Объективные признаки вовлечения несовершеннолетних в совершение преступления

В силу того, что статья 150 Уголовного кодекса расположена законодателем в главе 20-ой, которая называется «Преступления против семьи и несовершеннолетних» [52], можно сделать следующий вывод. Видовым объектом рассматриваемого состава преступления является совокупность охраняемых уголовным законом общественных отношений, обеспечивающих безопасность института семьи и несовершеннолетних. Данной позиции придерживается большинство исследователей, однако, есть и те, кто выступает против и высказывает альтернативный взгляд на рассматриваемый вопрос. Так, Ю.Е. Пудовочкин заявляет о том, что интересы семьи в преступлениях, предусмотренных главой 20-ой, стоит рассматривать только как дополнительный или факультативный объект. Соответственно, указание семьи в название главы ошибочно. Автор обращает внимание, что глава находится в разделе, посвященном преступлениям против личности, поэтому не совсем корректно включать себя преступления против социального института [39, с. 52]. Мы не разделяем данную точку зрения, поскольку в отдельных случаях преступное посягательство в отношении конкретной личности в то же время является посягательством на социальный институт. Например, часть вторая статьи 150 Уголовного кодекса устанавливает ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления особым кругом субъектов. К их числу законодатель относит в том числе родителей. Совершение указанного деяния родителем, во-первых, причиняет вред несовершеннолетнему, а во-вторых, в одинаковой степени наносит вред и дестабилизирует институт семьи, поскольку такая модель

поведения выбивается и противоречит концепции семейных отношений и традиционных семейных ценностей.

В свою очередь А.А. Золотухина придерживается точки зрения относительно того, что в главе 20-ой законодатель предусмотрел два самостоятельных объекта, которые не находятся во взаимосвязи друг с другом. По мнению автора, это позволяет разделить рассматриваемую главу на две. «В одной главе будут закреплены преступления против несовершеннолетних, а во второй будут закреплены преступления против семьи. Поэтому родовым (видовым) объектом здесь будет выступать совокупность общественных отношений, обеспечивающих нормальное развитие несовершеннолетних» [10, с. 32]. Мы не совсем разделяем указанную позицию. В определенной степени отношения по охране семьи и отношения по охране несовершеннолетних являются самостоятельными объектами. Но ввиду их тесной взаимосвязи законодатель включил их в одну главу. На примере, приведенном нам в предыдущем абзаце, мы видим, что связь между этими объектами имеет место быть, а значит утверждение о том, что они не находятся ни в какой взаимосвязи некорректно.

«В свою очередь непосредственным объектом преступления, предусмотренного статьей 150 Уголовного кодекса, являются общественные отношения, складывающиеся по поводу обеспечения нормального психического и физического развития несовершеннолетнего. Обеспечение нормального физического и психического развития несовершеннолетнего в качестве объекта уголовно-правовой охраны подразумевает, что для несовершеннолетнего созданы такие условия, при которых его развитие и воспитание формируют у него устоявшиеся в обществе нравственные установки, уважение к закону, осознание себя как части общества, а также своих прав и обязанностей» [11, с. 42].

В.М. Исаков и Ю.В. Никонорова обращают внимание, что дополнительным объектом рассматриваемого преступления может выступать здоровье несовершеннолетнего. Мы разделяем данную точку зрения. «Так, в

части третьей статьи 150 Уголовного кодекса в качестве квалифицирующего признака закреплено применение насилия или угроза его применения. В случае если в отношении несовершеннолетнего будет применено насилие, то вред причиняется в том числе и его здоровью, что подтверждает заявленную автором позицию. Кроме того, как уже было отмечено нами ранее, дополнительным объектом данного преступления могут выступать общественные отношения, направленные на охрану института семьи» [11, с. 42]. Ребенок в силу того, что, как правило, воспитывается родителями, находится в зависимости от них. Кроме того, один или оба родителя являются для него авторитетами, чье мнение до определенного момента не подвергается критике и не оспаривается. В нормальных условиях родители используют свою власть для формирования личности несовершеннолетнего, развитию в нем положительных качеств. Но если такая власть используется для формирования у несовершеннолетнего противоправной модели поведения и деформаций правосознания, то это является девиацией и причиняет вред институту семьи. Таким образом, мы делаем вид, что дополнительными объектами вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления являются отношения по охране здоровья несовершеннолетнего, а также отношения по охране и защите института семьи.

Относительно факультативного объекта преступления, предусмотренного статьей 150 Уголовного кодекса, можно встретить следующую точку зрения. В ситуации, когда несовершеннолетнего вовлекают в совершение преступления путем угроз относительно уничтожения, повреждения, изъятия его имущества, а также распространения информации, которая может опорочить репутацию несовершеннолетнего, факультативным объектом соответственно выступают отношения по охране собственности, чести и достоинства. Помимо этого, факультативным объектом можно считать отношения по обеспечению общественной безопасности при вовлечении несовершеннолетнего в преступную группу, поскольку это создает угрозу причинения вреда состоянию защищенности интересов личности, общества и

государства [17, с. 62-63]. Данная точка зрения имеет место быть, поскольку законодатель не конкретизирует (за исключением части третьей) о каких именно угрозах может идти речь. Поэтому потенциально под угрозой могут находиться различные объекты уголовно-правовой охраны, что и позволяет обозначить их в качестве непосредственного факультативного объекта преступления, предусмотренного статьей 150 Уголовного кодекса. В целом мы можем отметить, что весьма сложно определить полный перечень охраняемых общественных отношений, которые могут рассматриваться в качестве факультативного объекта преступления. Поэтому будет наиболее верным использовать обобщенную формулировку, что факультативным объектом преступления, предусмотренного статьей 150 Уголовного кодекса, являются иные права и законные интересы непосредственно самого несовершеннолетнего или близких ему лиц.

Определенные проблемы имеют место быть при решении вопроса относительно наличия потерпевшего по статье 150 Уголовного кодекса. В правоприменительной практике отсутствовал единый подход по данному вопросу до мая 2023 года, когда Конституционный Суд провел проверку положений статьи 150 Уголовного кодекса. Так, в 2020 году Золотарева была осуждена за незаконный сбыт наркотических средств в крупном размере. В ходе предварительного следствия при установлении обстоятельств было возбуждено уголовное дело по части четвертой статьи 150 Уголовного кодекса в отношении Б. В рамках данного уголовного дела Золоторева являлась свидетелем. Ее мать Фролова заявляла ходатайства о признании ее дочери потерпевшей, но постановлением следователя в его удовлетворении было отказано. При отказе в удовлетворении ходатайства следователь руководствовался тем, что по части четвертой статьи 150 Уголовного кодекса объектом выступает не личность несовершеннолетнего, который в ходе совершения преступления был вовлечен в уголовно-наказуемое деяние, а общественные отношения в сфере охраны прав и интересов семьи и ребенка. Поскольку в отношении Золоторевой не было применено насилие или угрозы

его применения при предполагаемом вовлечении, она не может быть признана потерпевшей. Рассматривая жалобу, Конституционный Суд обратил внимание на следующие обстоятельства. Развитие и воспитание несовершеннолетнего, как объект преступления, предусмотренный статьей 150 Уголовного кодекса, не может рассматриваться в отрыве от интересов личности ребенка, которому был причинен вред преступлением. По смыслу статьи 150 Уголовного кодекса несовершеннолетний, даже в том случае, если в отношении него не было применено насилие физическое или психическое, становится жертвой преступного посягательства, поскольку оказывается под влиянием, которое может сформировать недостоверное представление о дозволенности преступного поведения. Таким образом, по смыслу статьи 150 Уголовного кодекса и 42 Уголовно-процессуального кодекса «лицо подлежит признанию потерпевшим по делу о его вовлечении в совершение преступления в период его несовершеннолетия. В свою очередь признание несовершеннолетнего потерпевшим в деле о его вовлечении в совершение преступления не подтверждает факт виновности лица. Соответствующий вывод делает суд при анализе всех обстоятельств уголовного дела» [27]. Таким образом, на основании разъяснений Конституционного Суда мы можем утверждать, что независимо от многообразия способов вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления, ребенок в период своего несовершеннолетия может и должен быть признан в качестве потерпевшего по уголовному делу. В противном случае это будет означать препятствование реализации его прав, которые предоставляются потерпевшему по уголовному делу в силу статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса.

Объективная сторона совершения рассматриваемого преступления завязана на понятии «вовлечение». В научной литературе можно встретить разделение понятия «вовлечение» на два вида: конкретизированное и неконкретизированное. Если речь идет о неконкретизированном вовлечении, то действия взрослого имеют абстрактный характер. «Они направлены не на привлечение несовершеннолетнего к конкретному преступному деянию, а на

формирование у него положительного отношения к преступным действиям, преступникам, законам преступного сообщества. В случае с конкретизированным вовлечением действия направлены на склонение несовершеннолетнего к участию в конкретном преступлении. То есть такие действия формируют у ребенка умысел совершить конкретное преступление» [15, с. 63]. Позиция Пленума Верховного Суда в большей степени отдает предпочтение конкретизированному вовлечению. Так, «под вовлечением несовершеннолетнего в совершение преступления или совершение антиобщественных действий следует понимать действия взрослого лица, направленные на возбуждение желания совершить преступление или антиобщественные действия. Действия взрослого лица могут выражаться как в форме обещаний, обмана и угроз, так и в форме предложения совершить преступление или антиобщественные действия, разжигания чувства зависти, мести и иных действий» [29].

Как отмечает А.В. Пушкин, наиболее распространенной формой вовлечения является вербальная коммуникация. При этом автор отмечает, что практика знает случаи, когда виновный вовлекал несовершеннолетнего в совершение преступления при помощи жестов или письменных источников [38, с. 115]. Учитывая тот факт, что сейчас активное распространение получили устройства с выходом в интернет, воздействовать на несовершеннолетнего могут при помощи социальных сетей, мессенджеров, мобильной связи.

Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления может быть осуществлено различными способами. Выбор того или иного способа зависит от различных обстоятельств. Поэтому законодатель, раскрывая перечень таких способов, использует наиболее «популярные» из них (обещание, обман, угроза), а также использует формулировку «иным способом», оставляя тем самым перечень открытым. В научных работах можно встретить предложение о разделении всех способов вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления на две основных группы.

Первая группа включает в себя способы, которые связаны с применением насилия или угрозой его применения. Вторая группа включает в себя способы, которые не связаны с применением насилия или угрозой его применения. По мнению автора, подобное разделение позволяет наиболее детально определить совокупность преступных деяний при вовлечении несовершеннолетнего, а также сосредоточить внимание на степени отрицательного воздействия на психику несовершеннолетнего [60, с. 147]. На наш взгляд, подобная классификация является не совсем удачной, поскольку в первую группу входит только два способа, а во вторую все остальные. Это не позволяет в должной степени их дифференцировать. Куда более удачным, на наш взгляд, является разделение в зависимости от степени воздействия на волю несовершеннолетнего.

«Так, А. совместно с лицами, уголовное дело в отношении которых выделено в отдельное производство, попытались завести автомобиль, но не смогли этого сделать. Тогда у А. возник прямой умысел совершить тайное хищение аккумуляторной батареи с автомобиля, принадлежавшего потерпевшему, в целях использования ее на другом автомобиле. Для реализации своего преступного умысла он предложил находившимся с ним несовершеннолетним лицам совершить хищение аккумулятора, осуществляя тем самым вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления путем обещаний дать им доступ к управлению автомобилем, который легальным способом получить они не могли. Поддавшись уговорам, несовершеннолетние вступили в преступный сговор и осуществили хищение аккумулятора» [30]. Таким образом, мы видим, что вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления путем обещаний характеризуется следующими признаками: несовершеннолетнему предлагается та или иная награда за совершение преступления, несовершеннолетний не находится в состоянии заблуждения относительно реальных обстоятельств дела, несовершеннолетний совершает преступление добровольно (при отсутствии угрожающих факторов).

А.С. Тихомиров на основе анализа материалов судебной практики отмечает, что в подавляющем большинстве случаев (примерно в 80%) по статье 150 Уголовного кодекса привлекаются за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступлений путем обещаний [44, с. 162]. Такое положение вещей можно объяснить тем, что несовершеннолетние ввиду особенностей психики легко подвергаются внушению, кроме того, они в должной степени не осознают характер возможных последствий совершаемого преступления, поэтому поддаются на уговоры и обещания получения вознаграждения «легким путем».

«Обман подразумевает введение несовершеннолетнего в заблуждения относительно тех или иных обстоятельств, подталкивая его таким образом на совершение преступления. Также обманом будет являться заблуждение в конкретных деталях совершаемого преступления» [3, с. 57]. Так, Голенко, находясь в гостях у отсутствовавшей Х., распивал алкогольные напитки с несовершеннолетним З. Голенко решился на тайное хищение чужого имущества с кухни, которая является местом общего пользования. Для реализации своего умысла Голенко будучи совершеннолетним, используя дружеские отношения, зная о возрасте З., предложил тому совершить вышеуказанное хищение. При этом он сообщил ему недостоверную информацию о том, что З. в силу своего возраста не подлежит уголовной ответственности, тем самым обманув его. Несовершеннолетний, осознавая характер своих действий, будучи обманутым, согласился на совершение хищения имущества с кухни, поскольку был уверен в своей безнаказанности [36]. При этом обман может затрагивать не только те сведения, которые имеют юридическое значение для уголовного дела. Преступник может исказить любые факты для вовлечения несовершеннолетнего в совершение уголовно-наказуемого деяния. Например, сообщить ему о том, что другое лицо распространяет о нем порочащую информацию, после чего убедить его в том, что за такие действия необходимо наказать или проучить.

Следует обратить внимание, что на практике возникают сложности относительно квалификации деяния в качестве вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления путем обмана. В ходе анализа судебной практики нам встретился следующий случай. Так, Алешина похитила банковскую карту потерпевшей. После этого она приняла решение снять с карты денежные средства, о чем попросила двух несовершеннолетних ФИО8 и ФИО7. Суд из фактических обстоятельств дела установил, что Алешина не убеждала несовершеннолетних в необходимости совершения преступления, а просто попросила их снять денежные средства и передать ей их. При этом Алешина не сообщила несовершеннолетним, что банковская карта была получена ею незаконным путем, а денежные средства ей не принадлежат. «По итогам рассмотрения дела суд пришел к выводу, что ввиду отсутствия действий, направленных на убеждение несовершеннолетних в необходимости совершить именно преступление, квалификация по статье 150 Уголовного кодекса не требуется» [33]. На наш взгляд, в данном случае судом были некорректно квалифицированы обстоятельства уголовного дела. Необходимо исходить из того, что сама по себе банковская карта не принадлежит ее держателю. Ему принадлежат только денежные средства, которые находятся на счетах банка. Поэтому Алешина своей просьбой именно вовлекла несовершеннолетних в совершение хищения чужих денежных средств. Другой вопрос заключается в том, можно ли рассматривать утаивание информации относительно преступности деяния в качестве обмана. Здесь уже необходимо исходить из того, как именно была построена просьба о снятии денежных средств. «Даже в том случае, если Алешина не обманывала несовершеннолетних, а предоставила им минимум информации, по смыслу которой невозможно сделать вывод о преступности деяния, ее действия охватываются формулировкой «иным способом», предусмотренной частью первой статьи 150 Уголовного кодекса. В подтверждение нашей позиции говорят и разъяснения Пленума Верховного Суда, где указано, что преступление, предусмотренное статьей 150 Уголовного кодекса, является

оконченным с момента совершения несовершеннолетним преступления, приготовления к преступлению, покушения на преступление» [29].

При этом мы должны понимать, что нарушение ранее данного обещания будет рассматриваться в качестве вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления путем обмана, поскольку преступник искажает определенные сведения для достижения конкретного результата. Соответственно, мы можем сделать вывод, что вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления путем обмана характеризуется следующими признаками: несовершеннолетний находится в заблуждении относительно тех или иных обстоятельств дела; несовершеннолетний совершает преступление добровольно (при отсутствии угрожающих факторов), заблуждение несовершеннолетнего вызвано действиями преступника.

В свою очередь под угрозой необходимо понимать психологическое воздействие на несовершеннолетнего, целью которого является заставить его совершить преступление. Такие угрозы могут иметь разноплановый характер, например, распространить порочащую несовершеннолетнего информацию или уничтожить его имущество. Так, «Суслова, находясь около магазина «Алсу», имея умысел на завладение чужим имуществом в корыстных интересах, путем угроз о распространении сведений, порочащих несовершеннолетнего лицо, выдвинула требование о хищении денежных средств из магазина. Несовершеннолетняя реально восприняла угрозы реально, поскольку они были высказаны настойчиво. Поэтому, опасаясь осуществления угроз, несовершеннолетняя зашла в магазин Алсу и тайно похитила денежные средства, которые в последствии передала Сусловой» [34]. Угрозы, как способ вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления, представляет большую опасность наряду с другими, поскольку, во-первых, негативно воздействует на не до конца сформировавшуюся психику ребенка, что может привести к психологическим травмам, во-вторых, имеют более высокие шансы подавить волю ребенка, поскольку ему сложно

вступить в конфликт с авторитетом взрослого человека, он испытывает гипертрофированный страх от возможных последствий реализации угроз, а также не имеет достаточно жизненного опыта относительно применения защитных мер в подобной ситуации. В целом мы можем обозначить следующие признаки вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления путем угроз: деяние несовершеннолетнего мотивировано страхом перед последствиями реализации угрозы, то есть преступное деяние совершается против его воли, несовершеннолетний, как правило, обладает полнотой данных относительно характера совершаемого деяния.

К «иным способам» вовлечения мы можем отнести просьбу, приказ или какой-либо иной подвид рассмотренных нами способов вовлечения. Отдельно здесь стоит обратить внимание на следующее обстоятельство. В научной литературе имеет место быть точка зрения, что даже предложение совершить преступление может рассматриваться в качестве способа вовлечения. В частности, такую точку зрения высказывает А.В. Пушкин, который приводит в обоснование своей позиции случай из судебной практики [40, с. 118-119]. Данная позиция кажется нам несколько спорной, поскольку при таких обстоятельствах отсутствует элемент воздействия на волю несовершеннолетнего. В ходе анализа материалов судебной практики нам встретился случай, где суд пришел к противоположному выводу. Так, Куличков был осужден приговором суда первой инстанции за несколько преступлений в том числе и вовлечение несовершеннолетних иным способом в совершение тяжкого преступления. Осужденный не был согласен с приговором и обратился с апелляционной жалобой в вышестоящий суд. Судебная коллегия, оценивая обстоятельства дела обратила внимание на следующие обстоятельства. Куличков предложил несовершеннолетнему Нифонтову совершить кражу из квартиры потерпевшего. Несовершеннолетний согласился и вместе при участии еще одного лица они реализовали своей преступный умысел. При таких обстоятельствах Судебная коллегия пришла к выводу, что доводы о склонении Куличковым

несовершеннолетнего своим авторитетом не обоснованы. В результате чего суд принял решение приговор в части осуждения Куличкова по части четвертой статьи 150 Уголовного кодекса отменить [2]. Даже на рассмотренном нами примере мы видим, что судами по-разному толкуются положения статьи 150 Уголовного кодекса. В этой связи нам кажется вполне обоснованной необходимость разъяснить судам следующее обстоятельство. При квалификации деяния подсудимого предложение совершить уголовно-наказуемое деяние нельзя рассматривать в качестве способа вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления. Действия, направленные на вовлечение, должны характеризоваться активностью для формирования условий, при которых несовершеннолетний совершит преступление. Например, при угрозах действия преступника направлены на активное подавление воли, при уговорах действия направлены на активное склонение несовершеннолетнего к своей точке зрения относительно необходимости совершения преступления путем различных манипуляций и иных психологических приемов. В свою очередь предложение имеет нейтральный характер, умысел здесь скорее направлен на совершение преступления группой лиц. То есть если несовершеннолетний откажется от предложения, то лицо все равно реализует свой заранее задуманный преступный умысел, независимо от участия несовершеннолетнего.

Так, Усков напал на И. и нанес ему удар, после которого И. упал на спину. Желая довести свой преступный умысел до конца, Усков сел сверху на грудную клетку потерпевшего. Поскольку ему понадобилась помощь, он привлек своего несовершеннолетнего сына В. для оказания содействия в совершении преступления. Пользуясь своим родительским авторитетом и осознавая, что В. будет без возражений исполнять все приказы отца, Усков сказал несовершеннолетнему найти предмет, который позволит причинить смерть И. путем его удушения. В. нашел среди вещей потерпевшего кофту и передал ее Ускову. После чего Усков поручил сыну провести осмотр жилища потерпевшего на предмет наличия материальных ценностей. Поняв, что кофта

не подходит для удушения И., Усков вновь дал поручение несовершеннолетнему сыну провести осмотр вещей и найти что-то, что поможет задушить потерпевшего. Несовершеннолетний передал Ускову шарф, который был найден им в ходе осмотра вещей потерпевшего, после чего вернулся к поиску денежных средств и иных материальных ценностей. После того, как Ускову вновь не удалось задушить И., он озвучил просьбу, которая заключалась в том, чтобы его сын передал ему ремень или веревку. Указанные предметы Усков собирался использовать в качестве удавки для реализации своего преступного умысла, направленного на удушение потерпевшего. В. передал ему электрический провод, который был найден в сенях дома, после чего вернулся к поиску денег. Ввиду всего вышеописанного, суд пришел к выводу, что Усков вовлек несовершеннолетнего не путем обещаний, обмана или угроз, а иным способом: используя свой родительский авторитет и давая несовершеннолетнему поручения относительно совершения конкретных действий [21]. Таким образом, мы можем сделать вывод, что использование родительского авторитета может рассматриваться в качестве способа вовлечения несовершеннолетнего в совершении преступления. Однако, на наш взгляд, здесь стоит отметить необходимость подтвердить наличие родительского авторитета. Родительский авторитет подразумевает, что ребенок имеет особое отношение с родителем, которое характеризуется моделью поведения управляющий-подчиненный. При этом не всегда родители могут выступать авторитетом для своих детей. Например, если родитель не проживает с несовершеннолетним и не участвует в его воспитании, то нельзя утверждать о наличии родительского авторитета. Просьба оказать содействие в совершении преступления в данном случае будет означать совпадение интересов вовлекаемого и вовлекающего, либо наличие у несовершеннолетнего преступных наклонностей. Соответственно, в качестве способа совершения преступления в подобных случаях родительский авторитет рассматриваться не может.

При совместном участии несовершеннолетнего и совершеннолетнего в совершении преступления важно правильно разграничивать простое соучастие от ситуаций, при которых имело место быть вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления. Так, «совершеннолетние С. и Л. совместно с несовершеннолетними Х., Ч. и К. выехали на двух автомобилях с намерением изнасиловать любую встречную девушку. Таковой оказалась ученица средней школы. Л. схватил ее и затащил в кабину автомашины. Девочка кричала, вырывалась, звала на помощь, но Л. и Х. держали ее и закрывали ей рот. С. совершил с ней насильственный половой акт, после чего предложил другим последовать его примеру» [40, с. 120]. Таким образом, позиция, по смыслу которой совместное совершение преступления автоматически означает квалификацию действий одного или нескольких совершеннолетних лиц по статье 150 Уголовного кодекса, представляется ошибочной. Суду надлежит подробно разобраться в том, при каких именно обстоятельствах несовершеннолетний попал на место совершения преступления, а также его роль в совершаемом преступлении. Поскольку в том случае, если окажется, что активное влияние со стороны совершеннолетних лиц на него отсутствовало, то квалификация по соответствующей части статьи 150 Уголовного кодекса не требуется.

Специальным способом вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления, на который законодатель обращает особое внимание и определяет в качестве квалифицирующего признака, является применение насилия или угроза его применения. Под насилием необходимо понимать любое умышленное физическое воздействие негативного характера. Степень тяжести в данном случае имеет значение только при квалификации преступлений по их совокупности. Так, «нанесение побоев или истязания несовершеннолетнего будут квалифицироваться только по части третьей статьи 150 Уголовного кодекса. В случае причинения хотя бы легкого вреда здоровью или иных насильственных действий, которые имеют все признаки квалифицированных видов истязания, требуется дополнительная

квалификация по соответствующей статье Уголовного кодекса. В свою очередь угроза причинения насилия заключается в угрозе нанесения побоев, причинения несовершеннолетнему вреда здоровью различной степени тяжести, его убийства» [38]. Здесь необходимо добавить следующее. Законодатель в части третьей статьи 150 Уголовного кодекса использует следующую формулировку «... совершенные с применением насилия или с угрозой его применения». То есть, законодатель не делает конкретной привязки именно к несовершеннолетнему. Поэтому насилие или угроза его применения могут быть и в отношении кого-то из близких несовершеннолетнего.

Преступление, предусмотренное статьей 150 Уголовного кодекса, имеет материальный состав. Как уже было отмечено ранее, преступление считается оконченным с момента, когда несовершеннолетний совершил преступление, начал приготовление к совершению преступления, а также имело место быть покушение на совершение преступления несовершеннолетним. То есть для данного состава преступления характерны последствия в виде возникновения у несовершеннолетнего умысла на совершение уголовно-наказуемого деяния с его последующей реализацией. В том случае, если указанные последствия не наступили по обстоятельствам, которые не связаны с волей виновного лица, то его действия необходимо квалифицировать по части третьей статьи 30 и соответствующей части статьи 150 Уголовного кодекса (покушение на вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления).

В ходе проведенного исследования нами было обращено внимание, что в процессе правоприменительной практики сущность части второй статьи 150 Уголовного кодекса может быть истолкована по-разному. Предложенный законодателем перечень субъектов не охватывает всех лиц, которые в силу нахождения в одной семье могут с легкостью вовлечь несовершеннолетнего в совершение преступления. Например, в семье, где дети ввиду отсутствия отца воспитываются одной матерью, мужской ролевой моделью могут быть старший брат, дедушка или, как мы это наблюдали в примере из судебной

практики, отчим. В связи с этим мы видим целесообразным изменить часть вторую статьи 150 Уголовного кодекса так, чтобы в новой редакции она выглядела следующим образом: «То же деяние, совершенное родителем, близким родственником, отчимом, мачехой, педагогическим работником либо иным лицом, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего».

Отдельно было обращено внимание на следующий факт. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления может быть осуществлено различными способами. Выбор того или иного способа зависит от различных обстоятельств. Поэтому законодатель, раскрывая перечень таких способов, использует наиболее «популярные» из них (обещание, обман, угроза), а также использует формулировку «иным способом», оставляя тем самым перечень открытым. В научных работах можно встретить предложение о разделении всех способов вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления на две основных группы. Первая группа включает в себя способы, которые связаны с применением насилия или угрозой его применения. Вторая группа включает в себя способы, которые не связаны с применением насилия или угрозой его применения. Исследователями отмечается, что подобное разделение позволяет наиболее детально определить совокупность преступных деяний при вовлечении несовершеннолетнего, а также сосредоточить внимание на степени отрицательного воздействия на психику несовершеннолетнего. На наш взгляд, подобная классификация является не совсем удачной, поскольку в первую группу входит только два способа, а во вторую все остальные. Это не позволяет в должной степени их дифференцировать. Куда более удачным, на наш взгляд, является разделение в зависимости от степени воздействия на волю несовершеннолетнего.

2.2 Субъективные признаки вовлечения несовершеннолетних в совершение преступления

В теории уголовного права к субъективным признакам состава преступления относят субъект и субъективную сторону. Поэтому в рамках данного параграфа мы рассмотрим указанные элементы состава преступления с позиции действующего уголовного законодательства, а также проанализируем мнения ученых-юристов относительно их содержания.

Субъектом преступления по части первой статьи 150 Уголовного кодекса выступает физическое вменяемое лицо, которое достигло возраста 18 лет. В части второй указанной статьи в качестве квалифицирующего признака указаны дополнительные специальные субъекты преступления: родители, педагогические работники, а также иные лица, на которые законом возложена обязанность по воспитанию несовершеннолетнего. На первый взгляд, ключевым критерием здесь является возложенная законом обязанность по воспитанию несовершеннолетнего, нарушение которой повышает общественную опасность деяния. К числу иных лиц могут быть отнесены, например, усыновители или родственники, которым несовершеннолетний был отдан на попечительство. Однако если рассматривать перечень субъектов, предусмотренный частью второй, более глубоко, то можно сделать следующий вывод. Повышенная общественная опасность обусловлена тем, что перечисленный круг лиц обладает повышенным авторитетом в глазах несовершеннолетнего и с большей вероятностью способен внушить ему преступные идеи и подчинить поведение своей воле. При этом если мы справедливо руководствуемся данным критерием, то без внимания остаются иные лица, «входящие в семью» и обладающие способностью оказывать влияние на несовершеннолетнего. «Здесь важно понимать, что неблагоприятная обстановка в семье может впоследствии негативно отразиться на становлении ребенка. В таких обстоятельствах причинами вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления может стать:

материальные проблемы; пренебрежительное отношение родителей к процессу воспитания детей; злоупотребление родителями спиртными напитками, наркотическими веществами; ссоры и так далее» [66, с. 45]. В связи с этим важно учитывать всех субъектов, «входящих в семью». Например, близкие родственники, мачеха или отчим. Причем правоохранительные органы в некоторых случаях придерживаются аналогичной позиции. Так, «Настасенко, являясь отчимом несовершеннолетнего ФИО16 и имея с ним хорошие отношения, пообещал ему, что если тот похитит какой-нибудь велосипед, то на деньги с его продажи они смогут сходить в парк развлечений. Обнаружив у магазина взрослый велосипед, ФИО16 убедился, что за ним никто не наблюдает и совершил его тайное хищение. Органами предварительного следствия действия Настасенко были квалифицированы по части второй статьи 150 Уголовного кодекса. Суд счел необходимым переквалифицировать его действия на часть первую статьи 150 Уголовного кодекса, поскольку на него, как на отчима, не возложена обязанность по воспитанию ФИО16, и он не является одним из лиц, перечисленных в части второй статьи 150 Уголовного кодекса» [35]. Представленный пример демонстрирует нам, что в процессе правоприменительной практики сущность части второй статьи 150 Уголовного кодекса может быть истолкована по-разному. В данном случае суд при определении субъекта исходил именно из закрепленной законом обязанности по воспитанию несовершеннолетнего. Это, с одной стороны, верный подход, но с другой стороны, таким подходом не охватывается весь перечень субъектов, которые в силу нахождения в одной семье могут с легкостью вовлечь несовершеннолетнего в совершение преступления. Например, в семье, где дети ввиду отсутствия отца воспитываются одной матерью, мужской ролевой моделью могут быть старший брат, дедушка или, как мы это наблюдали в примере из судебной практики, отчим. В связи с этим, мы видим целесообразным изменить часть вторую статьи 150 Уголовного кодекса так, чтобы в новой редакции она выглядела следующим образом: «То

же деяние, совершенное родителем, близким родственником, отчимом, мачехой, педагогическим работником либо иным лицом, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего».

Отдельное внимание при исследовании перечня субъектов преступления, закрепленного в части второй статьи 150 Уголовного кодекса, С.И. Осмоловская уделяет «педагогическим работникам третьего сектора» (репетиторам). Автор обращает внимание, что «вопрос привлечения к уголовной ответственности указанных лиц, в настоящее время не изучен, а судебную практику обнаружить не удалось» [23, с. 268]. Анализируя данный вопрос, в первую очередь необходимо обратить внимание на то, кого законодатель признает педагогическим работником. В статье второй Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» закреплено следующее определение понятия педагогический работник: «физическое лицо, которое состоит в трудовых, служебных отношениях с организацией, осуществляющей образовательную деятельность, и выполняет обязанности по обучению, воспитанию обучающихся и (или) организации образовательной деятельности» [59]. Соответственно, репетиторов, которые в частном порядке осуществляют свои услуги, не состоя при этом в трудовых или служебных отношениях, признать педагогическими работниками, с точки зрения действующего законодательства, мы не можем. Поскольку аналогия закона не допустима в уголовном праве, мы можем наблюдать определенный пробел при регулировании ответственности указанных лиц за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления. Проблема здесь кроется в том, что репетитор наряду со школьным учителем активно взаимодействует с ребенком, участвует в его воспитании и формировании его психики. Поэтому он также без проблем может оказать на несовершеннолетнего пагубное влияние и склонить его к совершению преступления. То есть общественная опасность его деяния соразмерна той, что предусмотрена частью второй статьи 150 Уголовного кодекса, предусмотренной для педагогов, но в силу того, что репетитор не является педагогическим работником, его действия

должны быть квалифицированы по части первой вышеуказанной статьи. В связи с этим нарушается принцип справедливости, поскольку уголовное наказание будет несоразмерно (более мягкое) совершенному деянию.

Относительно субъективной стороны преступления разъяснение дает Пленум Верховного Суда в своем постановлении от 01.02.2011 № 1. В указанном документе Пленум разъясняет, что к ответственности по статье 150 Уголовного кодекса привлекаются лица, совершившие преступление умышленно. При этом указания относительно того, имеет место только прямой умысел или допустимо привлекать к ответственности при наличии вины в форме прямого или косвенного умысла, разъяснение не содержит. Преимущественно в науке придерживаются мнения, что совершение преступления, предусмотренного статьей 150 Уголовного кодекса, возможно только с прямым умыслом [6, с. 100]. Мы разделяем данную точку зрения. При вовлечении несовершеннолетнего вовлекающий сознательно стремится к тому, чтобы несовершеннолетний осуществил уголовно-наказуемое деяние. Это его основная цель, к которой он стремится и для достижения которой он осуществляет активное воздействие на психику несовершеннолетнего. При таких условиях, на наш взгляд, говорить о косвенном умысле при вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступления некорректно.

При этом нельзя оставить без внимания тот факт, что в некоторых исследованиях указано о возможности вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления с прямым и косвенным умыслом. «Наличие косвенного умысла объясняется переносом такого его элемента как допущение с последствий на само деяние, если авторы рассматривают состав вовлечения как формальный, либо в случае признания состава материальным допускается возможность не желания, но сознательного допущения последствий в виде совершения преступления несовершеннолетним» [14, с. 144].

Другая важная особенность субъективной стороны заключается в том, что преступник должен быть осведомлен о возрасте потерпевшего. Хотя

законодатель не определяет данный признак в диспозиции статьи 150 Уголовного кодекса, Пленум Верховного Суда обращает внимание на данное обстоятельство в своих вышеупомянутых разъяснениях. В процессе доказывания вины обвиняемого органы предварительного следствия должны собрать доказательства, подтверждающие, что обвиняемый знал о возрасте несовершеннолетнего, но все равно стремился вовлечь его в совершение преступления. Так, «в приговоре Кировского районного суда города Самары были отражены следующие выводы. По смыслу закона к уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления могут быть привлечены лица, достигшие 18-летнего возраста, если они осознавали либо допускали, что своими действиями вовлекают несовершеннолетнего в совершение преступления. Если взрослый не знал о несовершеннолетии лица, вовлеченного им в совершение преступления, он не может привлекаться к ответственности по статье 150 Уголовного кодекса. На основе материалов дела суду не удалось сделать вывод относительно того, что подсудимый знал о возрасте Л. В ходе судебного следствия подсудимый заявил, что не знал о возрасте Л. и не предполагал, что он несовершеннолетний, поскольку тот систематически употреблял алкоголь, гулял по ночам и мог не появляться дома по несколько дней. Органами расследования данный факт не устанавливался, что нарушает требования статьи 73 Уголовно-процессуального кодекса. При данных обстоятельствах факт совместного совершения преступления с несовершеннолетним не образует состава преступления, предусмотренного статьей 150 Уголовного кодекса» [32]. Таким образом, мы можем сделать вывод, что при доказывании субъективной стороны правоохранительным органам необходимо установить, знал ли обвиняемый о том, что вовлекаемое лицо является несовершеннолетним. При отсутствии в уголовном деле обстоятельств, подтверждающих такое знание, содеянное не может быть квалифицировано по статье 150 Уголовного кодекса.

«Проанализировав материалы следственной и судебной практики, В.М. Гарманов выделяет следующие обстоятельства, свидетельствующие о том, что взрослый осознает факт вовлечения именно несовершеннолетнего лица (т.е. возраст несовершеннолетнего) в совершение преступления:

- наличие родственных отношений;
- дружеские отношения, знакомство, являются соседями;
- совместное обучение в одной школе (например, в разных классах);
- совместное проведение досуга, посещение спортивных секций, кружков и т.п.;
- проживание в одном доме, небольшом населенном пункте;
- сам несовершеннолетний в процессе общения говорит о том, сколько ему лет, показывает документы и т.п.;
- внешний вид, стиль поведения и общения, одежда, которую носит несовершеннолетний;
- информация о возрасте несовершеннолетнего, доведенная до вовлекателя иными лицами, и др» [8, с. 86].

Наличие одного или нескольких из указанных обстоятельств позволят органам предварительного следствия сделать обоснованный вывод о том, что обвиняемый обладал знанием относительно возраста несовершеннолетнего лица, что сразу же позволит исключить необоснованные доводы лица о его заблуждении по поводу данного обстоятельства.

При этом в научной литературе можно встретить и противоположную точку зрения относительно заведомого знания о возрасте несовершеннолетнего. Так, С.И. Осмоловская заявляет, что «незнание возраста вовлекаемого, не должно исключать ответственность, так как незнание закона не может быть равнозначным отсутствию осознания общественной опасности совершаемого преступления, таким образом, не может служить оправданием виновного лица, совершившего деяние, запрещенное уголовным законом» [25, с. 116]. Как правило, сторонники данной точки зрения аргументируют свою позицию тем, что в самой норме

отсутствует прямое указание на заведомую осведомленность относительно возраста. При этом в других нормах уголовного закона такое указание есть. Например, в части второй статьи 117 Уголовного кодекса. Еще один аргумент основан на том, что знания о возрасте нельзя отнести к категории специальных знаний, поэтому особой подготовки для определения возраста несовершеннолетнего не требуется. Заявленные доводы имеют место быть, но необходимо принимать во внимание следующие обстоятельства.

Во-первых, преступление совершается умышленно. То есть лицо намеренно вовлекает именно несовершеннолетнего в совершение преступления и с этой целью осуществляет угрозы, уговоры, дает обещания и так далее. Во-вторых, далеко не всегда по внешнему виду несовершеннолетнего при отсутствии других информационных составляющих можно определить его точный возраст. При условии, что несовершеннолетний будет копировать манеру поведения взрослого и намеренно стремиться ввести в заблуждение относительно своего возраста, при отсутствии других данных определить его возраст будет достаточно проблематично. В-третьих, Пленум Верховного Суда дает четкие разъяснения по данному вопросу и указывает на необходимость осведомленности относительно возраста несовершеннолетнего. Представленный нами ранее пример из судебной практики, подтверждает, что суды при рассмотрении дел по статье 150 Уголовного кодекса считают необходимым наличие доказательств, подтверждающих, что лицо знало о возрасте несовершеннолетнего. Совокупность указанных факторов позволяет нам сделать вывод, что отсутствие указания в уголовном законе на осведомленность о возрасте несовершеннолетнего является скорее законодательным пробелом, нежели сознательным допущением. В связи с этим с целью обеспечения единообразия судебной практики и корректировки закона в соответствии с его реализацией, считаем необходимым включить критерий заведомой осведомленности в часть первую статьи 150 Уголовного кодекса. В новой редакции норма будет выглядеть следующим образом:

«Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления путем обещаний, обмана, угроз или иным способом, совершенное лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста и заведомо знавшим о возрасте несовершеннолетнего...».

«Мотив и цель рассматриваемого преступления имеют факультативный характер, но при этом могут учитываться судом при назначении наказания. Для квалификации мотив имеет значение только при наличии признаков, свидетельствующих о преступлении, предусмотренном частью четвертой статьи 150 Уголовного кодекса. В этом случае необходимо установить обстоятельства, свидетельствующие о том, что преступление совершено по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти, или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы» [25, с. 116].

В ходе проведенного исследования нами было обращено внимание, что в процессе правоприменительной практики сущность части второй статьи 150 Уголовного кодекса может быть истолкована по-разному. Предложенный законодателем перечень субъектов не охватывает всех лиц, которые в силу нахождения в одной семье могут с легкостью вовлечь несовершеннолетнего в совершение преступления. Например, в семье, где дети ввиду отсутствия отца воспитываются одной матерью, мужской ролевой моделью могут быть старший брат, дедушка или, как мы это наблюдали в примере из судебной практики, отчим. В связи с этим мы видим целесообразным изменить часть вторую статьи 150 Уголовного кодекса так, чтобы в новой редакции она выглядела следующим образом: «То же деяние, совершенное родителем, близким родственником, отчимом, мачехой, педагогическим работником либо иным лицом, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего».

Относительно факультативного объекта преступления, предусмотренного статьей 150 Уголовного кодекса, можно указать следующее. В ситуации, когда несовершеннолетнего вовлекают в совершение

преступления путем угроз относительно уничтожения, повреждения, изъятия его имущества, а также распространения информации, которая может опорочить репутацию несовершеннолетнего, факультативным объектом соответственно выступают отношения по охране собственности, чести и достоинства. Помимо этого, факультативным объектом можно считать отношения по обеспечению общественной безопасности при вовлечении несовершеннолетнего в преступную группу, поскольку это создает угрозу причинения вреда состоянию защищенности интересов личности, общества и государства. Данная точка зрения имеет место быть, поскольку законодатель не конкретизирует (за исключением части третьей) о каких именно угрозах может идти речь. Поэтому потенциально под угрозой могут находиться различные объекты уголовно-правовой охраны, что и позволяет обозначить их в качестве непосредственного факультативного объекта преступления, предусмотренного статьей 150 Уголовного кодекса. В целом мы можем отметить, что весьма сложно определить полный перечень охраняемых общественных отношений, которые могут рассматриваться в качестве факультативного объекта преступления. Поэтому будет наиболее верным использовать обобщенную формулировку, что факультативным объектом преступления, предусмотренного статьей 150 Уголовного кодекса, являются иные права и законные интересы непосредственно самого несовершеннолетнего или близких ему лиц.

Кроме того, вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления может быть осуществлено различными способами. Выбор того или иного способа зависит от различных обстоятельств. Поэтому законодатель, раскрывая перечень таких способов, использует наиболее «популярные» из них (обещание, обман, угроза), а также использует формулировку «иным способом», оставляя тем самым перечень открытым. В научных работах можно встретить предложение о разделении всех способов вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления на две основных группы. Первая группа включает в себя способы, которые связаны с

применением насилия или угрозой его применения. Вторая группа включает в себя способы, которые не связаны с применением насилия или угрозой его применения. Исследователями отмечается, что подобное разделение позволяет наиболее детально определить совокупность преступных деяний при вовлечении несовершеннолетнего, а также сосредоточить внимание на степени отрицательного воздействия на психику несовершеннолетнего. На наш взгляд, подобная классификация является не совсем удачной, поскольку в первую группу входит только два способа, а во вторую все остальные. Это не позволяет в должной степени их дифференцировать. Куда более удачным, на наш взгляд, является разделение в зависимости от степени воздействия на волю несовершеннолетнего.

Угрозы причинения насилия могут проявлять по-разному. Это могут быть различные высказывания (например, если ты не украдешь ту вещь, я тебя изобью), характерные жесты (например, проведение пальцем вдоль по шее), действия (например, замах рукой на несовершеннолетнего), текст (например, сообщения с угрозами) и иные действия, которые позволили несовершеннолетнему сделать вывод относительно того, что при отказе совершить преступление, со стороны угрожающего лица будет совершен акт насилия.

Глава 3 Проблемные аспекты квалификации вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления

3.1 Проблемные аспекты квалификации вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления при наличии квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков

Статья 150 Уголовного кодекса состоит из четырех частей. Часть первая является базовой описательной нормой, в которой раскрыты общие признаки для данного состава преступления. Часть вторая, третья и четвертая закрепляют квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки, наличие которых повышает общественную опасность деяния. В рамках данного параграфа мы рассмотрим каждый из заявленных законодателем признаков более детально и остановимся на некоторых вопросах, связанных с правоприменительной практикой.

Часть вторая статьи 150 Уголовного кодекса в качестве квалифицирующего признака закрепляет особый субъективный состав. Как уже было рассмотрено ранее, ответственность по данной норме возникает для родителей, педагогических работников, а также иных лиц, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего. Здесь необходимо конкретизировать, что субъект должен быть родителем, педагогическим работником или иным лицом, на которое возложена обязанность по воспитанию именно того несовершеннолетнего, которого вовлекают в совершение уголовно-наказуемого деяния. Законодатель определяет данный признак в качестве квалифицирующего, поскольку указанный перечень лиц обладает определенными обязанностями по воспитанию несовершеннолетнего, а также имеет для него повышенный авторитет, что позволяет внушать несовершеннолетнему поведенческие установки и моральные ориентиры.

В предыдущем параграфе нами было обращено внимание, что сложности при применении части второй статьи 150 Уголовного кодекса связаны, как правило, с тем, что конструкция рассматриваемой нормы не охватывает лиц, которые по логике должны быть включены в законодательный перечень. Например, отчим, мачеха, бабушки, дедушки, старшие братья и сестры не входят в заявленный перечень, но они наряду с родителями могут оказывать существенное влияние на формирование личности и поведения несовершеннолетнего. Практика показывает, что органы предварительного расследования зачастую квалифицируют случаи вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления лицами, которые не являются родителями, но проживающими вместе с несовершеннолетним (отчим, мачеха), по части второй статьи 150 Уголовного кодекса. Это создает определенные сложности, поскольку суды при рассмотрении дела вынуждены переквалифицировать преступление в силу того, что формально указанные лица не входят в обозначенный уголовным законом список.

Следующий особо квалифицирующий признак предусмотрен частью третьей статьи 150 Уголовного кодекса. Здесь законодатель выделяет особый способ совершения преступления, а именно вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления путем насилия или угрозы его применения. Проблемным аспектом здесь является тот факт, что формулировка «с применением насилия» вызывает ряд вопросов среди ученых юристов. Так, отдельные авторы признают насилием в данном случае нанесение побоев, причинение легкого вреда и вреда средней тяжести здоровью. Если же речь идет о причинении тяжкого вреда, то содеянное необходимо квалифицировать по совокупности части третьей статьи 150 Уголовного кодекса и соответствующей части статьи 111 Уголовного кодекса [13, с. 60]. На наш взгляд, такая точка зрения является ошибочной. Насилие здесь следует рассматривать в виде неквалифицированных видов побоев и истязаний. При

других обстоятельствах содеянное необходимо квалифицировать по совокупности соответствующих преступлений.

Отдельного внимания заслуживает вопрос, который ранее нами практически не был затронут, относительно угрозы применения насилия. На наш взгляд, здесь необходимо обратиться к подходу, который имеет место быть при рассмотрении дел о преступлении, предусмотренном статьей 119 Уголовного кодекса. «Между тем по смыслу уголовного закона, угроза убийством - это разновидность психического насилия и может быть выражена в любой форме, устно, письменно, жестами, демонстрацией оружия и т.д. Содержание угрозы убийством составляет высказывание намерения лишить жизни, угроза рассчитана на запугивание потерпевшего. Обязательным признаком такой угрозы является ее реальность. Оценкой реальности угрозы является субъективный и объективный критерий. Субъективный критерий характеризуется намерением виновного осуществить угрозу и восприятием потерпевшим этой угрозы как опасной для жизни. При этом угроза должна быть очевидной для потерпевшего. Объективный критерий оценки реальности угрозы устанавливается с учетом обстоятельств, характеризующих обстановку, в которой потерпевшему угрожают, личность угрожающего, взаимоотношения потерпевшего и виновного» [22]. Таким образом, угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью имеет место быть при наличии объективных и субъективных признаков, которые характеризуют реальность угрозы.

Здесь возникает закономерный вопрос, необходимо руководствоваться объективными и субъективными критериями при определении наличия угрозы при вовлечении несовершеннолетнего в совершении преступления? Определенно, субъективный критерий имеет место быть, поскольку очевидность угрозы для несовершеннолетнего является основным мотиватором последующего преступного поведения несовершеннолетнего. Касательно объективного критерия возникают определенные сложности, поскольку несформировавшаяся психика несовершеннолетнего не всегда

может объективно воспринимать реальность угрозы, исходящей от вовлекаемого лица. Поэтому при квалификации по части третьей статьи 150 Уголовного кодекса необходимо установить, в чем именно была выражена угроза насилия. Так, например, М. будучи осведомленным относительно возраста ФИО2, желая реализовать свой преступный умысел, обратился к ФИО2 с предложением осуществить тайное хищение велосипеда ФИО1. Несовершеннолетний отказался совершать преступное деяние. После этого М., желая склонить несовершеннолетнего к совершению кражи, устно высказался о своем намерении причинить ему побои, если тот откажется выполнять его указания. Так как М. был старше и обладал авторитетом в компании, ФИО2 посчитал угрозу насилия реальной, испугался физического насилия и совершил кражу велосипеда, на которой настаивал М. В результате чего М. был осужден по части третьей статьи 150 Уголовного кодекса [37]. Таким образом, угрозы причинения насилия могут проявлять по-разному. Это могут быть различные высказывания (например, если ты не украдешь ту вещь, я тебя изобью), характерные жесты (например, проведение пальцем вдоль по шее), действия (например, замах рукой на несовершеннолетнего), текст (например, сообщения с угрозами) и иные действия, которые позволили несовершеннолетнему сделать вывод относительно того, что при отказе совершить преступление, со стороны угрожающего лица будет совершен акт насилия.

Часть четвертая в качестве особо квалифицирующих признаков закрепляет следующее:

- вовлечение несовершеннолетнего в преступную группу;
- вовлечение несовершеннолетнего в совершение тяжкого или особо тяжкого преступления;
- вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти, или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Определенные сложности для понимания вызывает использование законодателем категории «преступная группа». Здесь возникает вопрос относительно того факта, все ли виды соучастия в совершении преступления допустимы при квалификации по части четвертой статьи 150 Уголовного кодекса. Среди ученых отсутствует единая позиция по данному вопросу. Так, «одни авторы утверждают, что все формы соучастия, предусмотренные статьей 35 Уголовного кодекса, являются основанием для квалификации по части четвертой статьи 150 Уголовного кодекса» [58, с. 139]. «Другие авторы останавливаются на том, что не все виды соучастия могут применяться к части четвертой статьи 150 Уголовного кодекса» [45, с. 195].

Рассматривая данный вопрос, внимание привлекает в первую очередь такая форма соучастия, как группа лиц без предварительного сговора. Если с остальными формами соучастия (группа лиц по предварительному сговору, организованная группа и преступное сообщество) все вполне понятно: несовершеннолетний вовлекается в уже заранее обговоренное преступление, то относительно группы лиц без предварительного сговора такое понимание отсутствует. Чисто гипотетически мы можем представить ситуацию, когда у нескольких незнакомых людей возникла перепалка на улице, которая в дальнейшем переросла в драку. Двое или более лиц стали избивать одного при отсутствии ранее оговоренного умысла, руководствуясь спонтанным решением. В этот момент рядом проходит знакомый несовершеннолетний одного из участников потасовки и предлагает присоединиться к избиению или похитить какой-либо предмет у лежащего пострадавшего. В этом случае все условия для привлечения несовершеннолетнего в группу лиц без предварительного сговора будут соблюдены. Данная ситуация, по сути, является идеально сконструированной моделью, чтобы доказать теоретическую возможность вовлечения в группу лиц без предварительного сговора с целью подтвердить позицию авторов относительно того, что все формы соучастия могут рассматриваться как особо квалифицирующий признак по части четвертой статьи 150 Уголовного кодекса.

Отдельно С.И. Осмоловская обращает внимание на то обстоятельство, что для квалификации по части четвертой статьи 150 Уголовного кодекса важно следующее. Вовлечение в преступную группу имеет место быть только тогда, когда помимо вовлекающего в группе есть еще хотя бы один участник, который обладает признаками субъекта преступления [24, с. 28]. Представленная позиция находит свое отражение и в материалах судебной практики. Так, действия Ш. были переквалифицированы с части четвертой статьи 150 Уголовного кодекса на часть первую указанной статьи. Свое решение суд аргументировал тем, что до вовлечения несовершеннолетних И. и П. как таковой преступной группы не существовало. Она была создана в момент вовлечения указанных лиц с целью совершения кражи [19]. Таким образом, мы можем сделать вывод, что при квалификации вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления в составе преступной группы правоприменителю необходимо установить следующее: существовала ли на момент вовлечения несовершеннолетнего указанная преступная группа.

Рассматривая проблемные аспекты особо квалифицирующих признаков вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления, следует также обозначить следующее обстоятельство. Отдельно возникают вопросы относительно включения в понятие преступная группа дополнительных форм организованной преступности, перечисленных в главе 24 Уголовного кодекса, посвященной преступлениям против общественной безопасности. Речь идет о таких формах, как банда, преступная организация, незаконное вооруженное формирование. Судебная практика идет по пути того, что понятие «преступная группа» должно охватывать указанные формы организованной преступности. Так, по приговору Забайкальского суда Б. был признан виновным в том, что создал устойчивую вооруженную группу (банду), руководил ею, а также вовлек несовершеннолетнего в преступную группу – банду [31]. Таким образом, мы можем сделать вывод, что суды при квалификации по части четвертой статьи 150 Уголовного кодекса и толковании понятия «преступная группа» выходят за пределы видов соучастия. Данный подход вполне уместен,

поскольку законодатель использует термин «преступная группа», а не «соучастие». Таким образом, он разграничивает данные категории и позволяет правоприменителю рассматривать преступную группу в более широком смысле, чем соучастие. На наш взгляд, Пленуму Верховного Суда необходимо разъяснить понятие «преступная группа» для правильной квалификации по части четвертой статьи 150 Уголовного кодекса.

Преступления на почве идеологической, политической, расовой, религиозной ненависти отличаются особым мотивом. Е.А. Таюрская, затрагивая вопросы соответствующей преступной мотивации, указывает, что «идеология представляет собой субъективный взгляд лица на существующую действительность, на процессы организации жизнедеятельности общества и государства и распространение этих взглядов в обществе. Желание воспрепятствовать распространениям таких взглядов и образует идеологический мотив совершения преступного деяния» [43, с. 25]. В свою очередь расовая, национальной, религиозной, политическая ненависть определяются тем фактом, что лицо негативно относится к какой-либо социальной группе или конкретному человеку по причине того, что группа или человек придерживаются, или пропагандируют взгляды по тем или иным вопросам, разительно отличающиеся от взглядов самого преступника. При квалификации по данному признаку в первую очередь необходимо понимать, что непосредственно сам несовершеннолетний не всегда должен разделять взгляды вовлекающего лица. Мы помним, что вовлечь несовершеннолетнего можно и против его воли путем обмана, насилия или угроз. Что касается самого преступника, здесь правоприменителю необходимо установить, в чем был выражен его мотив и какие цели преследовало лицо при вовлечении несовершеннолетнего в уголовно-наказуемое деяние. Например, если несовершеннолетний был вовлечен в кражу ноутбука из офиса политической партии для того, чтобы вовлекающий в последствии реализовал ноутбук и потратил полученные средства в своих личных целях, квалификация по признаку политической ненависти не требуется, поскольку данный признак

отсутствует. В том случае, когда аналогичное деяние совершается для того, чтобы дестабилизировать работу партии, то здесь уже будет наблюдаться мотив политической мести. Таким образом, правоприменителю для правильной квалификации надлежит точно установить, какую конечную цель преследовало лицо при вовлечении несовершеннолетнего в конкретное преступление. Сама по себе принадлежность пострадавшего лица к какой-либо социальной группе не может свидетельствовать о таком мотиве без дополнительных подтверждающих фактов.

3.2 Отграничение вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления от смежных составов

Каждый из составов особенной части Уголовного кодекса имеет свои уникальные признаки, которые позволяют их идентифицировать и отличать от иных составов. Однако на практике имеют место быть ситуации, когда у органов предварительного расследования возникают сложности при квалификации того или иного деяния ввиду схожести признаков некоторых составов преступления. В связи с этим особую важность имеют вопросы разграничения вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления от иных схожих по признакам составов.

Наибольшее сходства с исследуемым составом преступления имеет вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий. В целом можно отметить, что преступления, предусмотренные статьями 150 и 151 Уголовного кодекса, имеют следующие схожие признаки: объект преступления, потерпевший, способы совершения преступления, субъект преступления, субъективная сторона преступления, квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки. Основное отличие здесь заключается в том, на что направлено преступное деяние. В случае с преступлением, предусмотренным статьей 151 Уголовного кодекса деяние направлено на вовлечение в неправомерную, но при этом антисоциальную деятельность,

которая вредит нормальному физическому и психическому развитию несовершеннолетнего.

«Активное вовлечение несовершеннолетнего в антиобщественную деятельность, например, в употребление спиртных напитков или одурманивающих веществ также должно, на наш взгляд, признаваться оконченным преступлением при систематическом побуждении подростка к употреблению этих напитков или веществ независимо от того, оказался он фактически вовлеченным в систематическое их употребление или нет, т.е. поддался ли на уговоры, угрозы и т.п. Логика такого подхода к определению момента окончания данного преступления заключается в том, что нельзя же ждать, пока подросток станет алкоголиком или приобретет привычку к совершению иных антиобщественных действий, указанных в законе» [4, с. 89]. Нельзя говорить об уголовной ответственности лица за систематические предложения выпить или употребить наркотики при условии, что несовершеннолетний постоянно отказывается. Это противоречит смыслу закона. Определенно, в этих действиях могут иметь место быть составы иных правонарушений. Но для квалификации по статье 151, как и для вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления, важен сам результат вовлечения – систематическое употребление алкоголя, наркотиков, бродяжничества или попрошайничества.

Рассмотрим в качестве примера спорный, на наш взгляд, случай из практики. Так, К. будучи совершеннолетним, узнал, что родители несовершеннолетнего Н. не занимаются его воспитанием, предложил ему «прокатиться по стране». При этом он заявил, что у него имеются денежные средства. В дороге К. дважды угощал Н. спиртосодержащей продукцией. Но деньги скоро закончились. Поэтому К. стал постоянно намекать несовершеннолетнему на необходимость любыми способами «добывать средства» на жизнь. После этого Н. совершил попытку квартирной кражи, где и был задержан сотрудниками правоохранительных органов, а в последствии осужден по пункту «а» части третьей статьи 158 Уголовного кодекса.

Проанализировав материалы уголовного дела суд привлек К. к ответственности по части первой статьи 151 Уголовного кодекса, поскольку К. вовлек Н. в бродяжничество. Факт того, что Н. был вовлечен в систематическое распитие алкоголя установлен не был [20, с. 36]. В данном случае у нас возникают определенные сомнения в правильности квалификации деяний К. Если же он сам подтолкнул Н. к совершению кражи путем систематического воздействия на его психику, создавая в его разуме ситуацию безысходности и невозможности выжить без получения средств преступным путем, то содеянное определенно необходимо квалифицировать по соответствующей части статьи 150 Уголовного кодекса. При этом квалификация по статье 151 имеет место быть, поскольку К. не только вовлек несовершеннолетнего в совершение кражи, но и в занятие бродяжничеством.

При квалификации важно понимать, какую именно цель преследовал преступник. Если основная его цель заключалась в склонении к систематическому употреблению спиртосодержащей продукции или одурманивающих веществ, то содеянное следует квалифицировать по статье 151 Уголовного кодекса. Но если же склонение к употреблению алкоголя или наркотиков не являлось самой целью, имело единичный характер и являлось способом склонения к совершению преступления, то содеянное при отсутствии признака системности необходимо квалифицировать по статье 150 Уголовного кодекса. Здесь следует обратить внимание на то обстоятельство, что законодатель не учитывает в конструкции статьи 150 Уголовного кодекса отдельную возможность того, что алкоголь и одурманивающие вещества могут рассматриваться в качестве способов вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления. По смыслу действующего уголовного закона указанный способ мы можем рассматривать только в рамках конструкции части первой статьи 150 Уголовного кодекса, что, на наш взгляд, не совсем корректно, поскольку это повышает общественную опасность деяния. Наряду с причинением насилия или угрозой его применения, алкоголь и одурманивающие вещества выступают инструментом для подавления воли

несовершеннолетнего. При обычных обстоятельствах несовершеннолетний может отказаться от совершения преступления, но при использовании насилия, угроз его применения, алкоголя, одурманивающих средств вероятность того, что последний согласится резко увеличивается. Употребление алкоголя или одурманивающих веществ делает несовершеннолетнего более беспомощным при принятии решения, подавляет его волю, что значительно увеличивает общественную опасность деяния. В связи с этим мы считаем целесообразным изменить часть третью статьи 150 Уголовного кодекса следующим образом: «Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные с применением насилия или с угрозой его применения, равно как и при помощи употребления алкогольной продукции или одурманивающих веществ...».

Отдельно можно обратить внимание, что в статью 151 Уголовного кодекса включено примечание. По смыслу примечания к уголовной ответственности не подлежат родители, если они вовлекли несовершеннолетнего в бродяжничество в силу тяжелых жизненных обстоятельств. В связи с этим возникает вопрос, необходимо ли такое примечание в статье 150 Уголовного кодекса. На практике могут возникнуть совершенно разные ситуации, некоторые из которых могут быть связаны с тем, что несовершеннолетний был вовлечен в совершение преступления в силу опасности или тяжелых жизненных обстоятельств. На наш взгляд, разработка соответствующего примечания не требуется. В том случае, если несовершеннолетний вовлекается в совершение преступления при наличии опасности или тяжелых жизненных обстоятельств, у правоприменителя есть возможность учесть данные факторы и задействовать различные механизмы, предусмотренные уголовным законодательством. Речь идет об обстоятельствах, смягчающих наказание (статья 61 Уголовного кодекса), необходимая оборона (статья 37 Уголовного кодекса), крайняя необходимость (статья 39 Уголовного кодекса), обоснованный риск (статья 41 Уголовного кодекса).

«Определенные сложности при квалификации может вызвать разграничение составов, предусмотренных статьями 150 Уголовного кодекса и частью третьей статьи 240 Уголовного кодекса. Часть третья статьи 240 Уголовного кодекса устанавливает ответственность за вовлечение несовершеннолетних в занятие проституцией. В первую очередь необходимо обратить внимание, что здесь речь идет о конкретном деянии – занятии проституции. Если статьями 150 Уголовного кодекса ответственность установлена за вовлечение в совершение преступления, где понятие преступления охватывает всю преступную деятельность, независимо от характера деяния» [20, с. 36]. Идентичным в данном случае будет потерпевший и способ совершения преступления. Основным различием, на которое необходимо обратить внимание при разграничении указанных составов является тот факт, что проституция не является преступлением. Ответственность за занятие проституцией предусмотрена статьей 6.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [12]. Поэтому по смыслу части третьей статьи 240 Уголовного кодекса несовершеннолетнего вовлекают в административное правонарушение, а не в преступное деяние. Именно это позволяет нам провести условную черту, которая достаточно четко позволяет разграничить заявленные составы преступлений.

Смежными составами в свою очередь выступают часть третья статьи 150 Уголовного кодекса и статьи 111, 112, 115, 116, 117 Уголовного кодекса. Вопросы квалификации здесь непосредственно связаны со степенью допустимого насилия в рамках конструкции части третьей статьи 150 Уголовного кодекса. Ранее мы уже достаточно подробно рассмотрели данный вопрос, поэтому кратко обозначим нашу позицию. Насилие здесь следует рассматривать в виде неквалифицированных видов побоев и истязаний. При других обстоятельствах содеянное необходимо квалифицировать по совокупности соответствующих преступлений.

Отдельного упоминания заслуживают преступления, предусмотренные статьями 151.2 и пункт «а» части третьей статьи 110.1 Уголовного кодекса. Статья 151.2 Уголовного кодекса предусматривает ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего. Здесь мы опять можем наблюдать следующие схожие с вовлечением несовершеннолетнего в совершение преступления признаки: объект потерпевший, способ совершения преступления, субъект и субъективная сторона. При этом основное условие, которое позволяет нам разграничить указанные преступления предусмотрено в диспозиции части первой статьи 151.2. Законодатель указывает, что вовлечением несовершеннолетнего в действия, представляющие опасность, признаются деяния при отсутствии признаков вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления. То есть если несовершеннолетний вовлекается в ситуацию, которая представляет опасность для его жизни и здоровья, при этом основной целью является вовлечение его в совершение преступления, содеянное необходимо квалифицировать исключительно по статье 150 Уголовного кодекса.

В свою очередь пункт «а» части третьей статьи 110.1 Уголовного кодекса устанавливает ответственность за склонение к совершению самоубийства или содействию в совершении самоубийства в отношении несовершеннолетнего лица. Основной момент, на котором следует сосредоточить внимание, заключается в следующем. Как верно отмечает ряд авторов, самоубийство современным Уголовным кодексом Российской Федерации не признается преступлением [42, с. 144]. Само по себе самоубийство не является преступлением, поскольку в данном случае будет отсутствовать субъект преступления. Если несовершеннолетнего вовлекают в совершение самоубийства, то исключается главный статьи 150 Уголовного кодекса признак «преступление». Именно это обстоятельство позволяет нам исключить все возможные спорные ситуации, связанные с квалификацией.

Статья 156 Уголовного кодекса закрепляет ответственность за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего. Если оценивать часть вторую статьи 150 Уголовного кодекса, то можно сделать формальный вывод, что в ней установлена ответственность за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, совершенное в «особо грубой форме». Такой вывод мы можем сделать, поскольку лицо, на которое возложена обязанность, не просто уклоняется от ее исполнения, но и совершает действие, которое прямо противоречит всем принципам воспитания и института семьи. Сходство между указанными составами здесь можно наблюдать в объекте потерпевшем, круге субъектов, субъективной стороне. Основное различие здесь заключается в том, что неисполнение возложенных обязанностей обязательно должно быть сопряжено с применением насилия в отношении несовершеннолетнего. В целом можно охарактеризовать отличия статьи 156 от части второй статьи 150 следующим образом. В статьях 150 и 151 несовершеннолетний совершает преступления или какие-либо антиобщественные действия в результате того, что виновный вовлек его, то есть совершил активные действия, направленные на формирование такого поведения и совершения таких действий. В свою очередь ответственность по статье 156 может возникнуть, если несовершеннолетний совершит преступление или его действия будут соответствовать антисоциальному поведению, но только в том случае, если заявленные законодателем субъекты реализуют свое поведение путем бездействия и отсутствия надлежащего контроля за несовершеннолетним.

В завершении данной главы мы можем сделать следующий вывод на тему «Проблемные аспекты квалификации вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления». Практика показывает, что органы предварительного расследования зачастую квалифицируют случаи вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления лицами, которые не являются родителями, но проживающими вместе с несовершеннолетним (отчим, мачеха), по части второй статьи 150 Уголовного

кодекса. Это создает определенные сложности, поскольку суды при рассмотрении дела вынуждены переквалифицировать преступление в силу того, что формально указанные лица не входят в обозначенный уголовным законом список.

Расовая, национальная, религиозная, политическая ненависть определяются тем фактом, что лицо негативно относится к какой-либо социальной группе или конкретному человеку по причине того, что группа или человек придерживаются, или пропагандируют взгляды по тем или иным вопросам, разительно отличающиеся от взглядов самого преступника. При квалификации по данному признаку в первую очередь необходимо понимать, что непосредственно сам несовершеннолетний не всегда должен разделять взгляды вовлекающего лица. Мы помним, что вовлечь несовершеннолетнего можно и против его воли путем обмана, насилия или угроз. Что касается самого преступника, здесь правоприменителю необходимо установить, в чем был выражен его мотив и какие цели преследовало лицо при вовлечении несовершеннолетнего в уголовно-наказуемое деяние. Например, если несовершеннолетний был вовлечен в кражу ноутбука из офиса политической партии для того, чтобы вовлекающий в последствии реализовал ноутбук и потратил полученные средства в своих личных целях, квалификация по признаку политической ненависти не требуется, поскольку данный признак отсутствует. В том случае, когда аналогичное деяние совершается для того, чтобы дестабилизировать работу партии, то здесь уже будет наблюдаться мотив политической мести. Таким образом, правоприменителю для правильной квалификации надлежит точно установить, какую конечную цель преследовало лицо при вовлечении несовершеннолетнего в конкретное преступление. Сама по себе принадлежность пострадавшего лица к какой-либо социальной группе не может свидетельствовать о таком мотиве без дополнительных подтверждающих фактов.

Заключение

В ходе проведенного исследования нами были предложены следующие рекомендации по совершенствованию уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления.

Во-первых, мы предлагаем изменить редакцию части третьей статьи 150 Уголовного кодекса следующим образом: «Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные с применением насилия или с угрозой его применения, а также направленные вовлечение несовершеннолетнего в систематическое совершение преступлений...».

Во-вторых, мы считаем целесообразным внести изменения в часть четвертую статьи 150 Уголовного кодекса предлагаем изложить в следующей редакции: «деяния, предусмотренные частями первой, второй или третьей настоящей статьи, связанные с вовлечением несовершеннолетнего в преступную группу или в совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, либо в совершении преступления на территории образовательного или специального учебно-воспитательного учреждения...».

В-третьих, мы видим, что вовлечение малолетнего в совершение преступления представляет большую общественную опасность в сравнении с простым составом вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления. В связи с этим мы рекомендуем дополнить часть вторую статьи 150 Уголовного кодекса квалифицирующим признаком: совершение деяния, предусмотренного частью первой в отношении малолетнего. При этом обязательным условием такого нововведения станет дополнение статьи 150 Уголовного кодекса следующим примечанием: «Малолетним в рамках данной статьи признается лицо, которое на момент совершения преступления не достигло возраста четырнадцати лет».

В-четвертых, в процессе правоприменительной практики сущность части второй статьи 150 Уголовного кодекса может быть истолкована по-разному. Предложенный законодателем перечень субъектов не охватывает

всех лиц, которые в силу нахождения в одной семье могут с легкостью вовлечь несовершеннолетнего в совершение преступления. Например, в семье, где дети ввиду отсутствия отца воспитываются одной матерью, мужской ролевой моделью могут быть старший брат, дедушка или, как мы это наблюдали в примере из судебной практики, отчим. В связи с этим мы видим целесообразным изменить часть вторую статьи 150 Уголовного кодекса так, чтобы в новой редакции она выглядела следующим образом: «То же деяние, совершенное родителем, близким родственником, отчимом, мачехой, педагогическим работником либо иным лицом, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего».

В-пятых, отсутствие указания в уголовном законе на осведомленность о возрасте несовершеннолетнего является скорее законодательным пробелом, нежели сознательным допущением, как это заявляют отдельные авторы. В связи с этим с целью обеспечения единообразия судебной практики и корректировки закона в соответствии с его реализацией считаем необходимым включить критерий заведомой осведомленности в часть первую статьи 150 Уголовного кодекса. В новой редакции норма будет выглядеть следующим образом: «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления путем обещаний, обмана, угроз или иным способом, совершенное лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста и заведомо знавшим о возрасте несовершеннолетнего...».

Кроме того, в ходе проведенного исследования нами было обращено внимание, что суды по-разному толкуются положения статьи 150 Уголовного кодекса относительно предложения совершить уголовно-наказуемое деяние как одного из способов вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления. Действия, направленные на вовлечение, должны характеризоваться активностью для формирования условий, при которых несовершеннолетний совершит преступление. Например, при угрозах действия преступника направлены на активное подавление воли, при уговорах действия направлены на активное склонение несовершеннолетнего к своей

точке зрения относительно необходимости совершения преступления путем различных манипуляций и иных психологических приемов. В свою очередь предложение имеет нейтральный характер, умысел здесь скорее направлен на совершение преступления группой лиц. То есть если несовершеннолетний откажется от предложения, то лицо все равно реализует свой заранее задуманный преступный умысел независимо от участия несовершеннолетнего.

Мы считаем целесообразным изменить часть третья статьи 150 Уголовного кодекса следующим образом: «Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные с применением насилия или с угрозой его применения, равно как и при помощи употребления алкогольной продукции или одурманивающих веществ...».

Считаем необходимым обратить внимание на следующее обстоятельство. При квалификации вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления в составе преступной группы правоприменителю необходимо установить следующее: существовала ли на момент вовлечения несовершеннолетнего указанная преступная группа. При отсутствии доказательств, свидетельствующих о существовании такой преступной группы, содеянное не может квалифицироваться как вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления в составе преступной группы ввиду отсутствия таковой. Суды при квалификации по части четвертой статьи 150 Уголовного кодекса и толковании понятия «преступная группа» выходят за пределы видов соучастия. Данный подход вполне уместен, поскольку законодатель использует термин «преступная группа», а не «соучастие». Таким образом, он разграничивает данные категории и позволяет правоприменителю рассматривать преступную группу в более широком смысле, чем соучастие. На наш взгляд, Пленуму Верховного Суда необходимо разъяснить понятие «преступная группа» для правильной квалификации по части четвертой статьи 150 Уголовного кодекса.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Алиева О.Р. Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений по законодательству зарубежных стран // Инновации в науке и практике. 2020. № 1. С. 120-126.
2. Апелляционное определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 21 апреля 2015 г. № 72-АПУ15-13 // Консультант плюс: справочно-правовая система.
3. Бирюкова В.С., Карташов И.И. Особенности объективных признаков вовлечения несовершеннолетнего в совершении преступления // Кронос. 2020. № 5 (43). С. 55-58.
4. Белоусова А. И. Отграничение вовлечения несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий // Международный научно-исследовательский журнал. 2014. № 5-2 (24). С. 88-89.
5. Боровиков В.Б., Недяtko A.B. Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления и иных антиобщественных действий по законодательству зарубежных стран // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 4. С. 284-288.
6. Вильмова Д.В. Субъективная сторона вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ) // Власть и общество: история, современное состояние и тенденции развития. 2023. № 1. С. 100-102.
7. Гайков В.Т., Лемчик Т.А. Исторические аспекты уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в антиобщественную деятельность // Пространство экономики. 2009. № 4-3. С. 49-52.
8. Гарманов В.М. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ): содержание признаков потерпевшего и особенности субъективной стороны состава преступления // Виктимология. 2018. № 4 (18). С. 83-91.

9. Декрет СНК РСФСР от 4 марта 1920 г. «О делах несовершеннолетних, обвиняемых в общественно опасных действиях // [Электронный ресурс]. <https://ru.wikisource.org/wiki> (дата обращения: 21.11.2023).

10. Золотухина А.А. Объект вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления // Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы современной науки, достижения и инновации. 2023. № 1. С. 30-33.

11. Исаков В.М., Никонорова Ю.В. Вопросы квалификации вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления // Международный журнал конституционного и государственного права. 2017. № 4. С. 41-44.

12. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 №195-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // СЗ РФ. 2002. № 1. Ст. 1.

13. Коровин Е.П., Бавсун М.В., Попов П.В. Проблемы квалификации вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления // Сибирское юридическое обозрение. 2015. № 2 (27). С. 56-61.

14. Кубатбекова А.С. Субъективные признаки вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления // Бизнес в законе. 2008. № 1. С. 143-145.

15. Кубатбекова А.С. Уголовно-правовая характеристика, понятие и объективные признаки вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления // Юридические науки. 2008. № 6. С. 61-64.

16. Купирова Ч.Ш. Уголовное законодательство о преступлениях против прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних в России советского периода // Юридические записки. 2013. № 2. С. 85-89.

17. Лазарев Э.Б. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления: проблема определения объекта преступления // Российское правосудие. 2009. № 10 (42). С. 59-63.

18. Новое уголовное уложение 1903 года // [Электронный ресурс]. https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003714958?page=69&rotate=0&theme=white (дата обращения: 21.11.2023).

19. Обзор кассационной практики по уголовным делам за декабрь 2011 года (подготовлен Верховным судом Республики Коми) // Консультант плюс: справочно-правовая система.

20. Одинцова Л.З. Вопросы отграничения вовлечения несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий от смежных составов преступлений // Уголовное право. 2013. № 6. С. 36-39.

21. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 12 июля 2017 года № № 53-АПУ17-17 // Консультант плюс: справочно-правовая система.

22. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 22.07.2021 № 82-УД21-7-К7 // Консультант плюс: справочно-правовая система.

23. Осмоловская С.И. К вопросу о видах специального субъекта вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления // Проблемы экономики и юридической практики. 2022. № 3. С. 266-270.

24. Осмоловская С.И. Проблемы квалификации преступлений, связанных с вовлечением несовершеннолетних в преступную группу // Научный компонент. 2020. № 4 (8). С. 26-31.

25. Осмоловская С. И. Проблемы установления и толкования признаков субъективной стороны состава преступления, предусматривающего уголовную ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 3 (51). С. 111-121.

26. Павлов Д.В. История развития отечественного уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественную деятельность // Ленинградский юридический журнал. 2009. № 4. С. 121-128.

27. Постановление Конституционного Суда РФ от 25 мая 2023 г. № 26-П «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 150 Уголовного кодекса Российской Федерации и ряда положений статей 42, 45, 145, 146 и 222 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан М.В. Золотаревой и В.В. Фроловой» // Консультант плюс: справочно-правовая система.

28. Постановление ЦИК и СНК СССР от 07.04.1935 № 3/598 «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних» // [Электронный ресурс]. <https://ru.wikisource.org/wiki> (дата обращения: 21.11.2023).

29. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 №1 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Консультант плюс: справочно-правовая система.

30. Приговор Доволенского районного суда Новосибирской области от 08 декабря 2023 г. по делу № 1-111/2023 // Консультант плюс: справочно-правовая система.

31. Приговор Забайкальского краевого суда от 5 июля 2011 года по делу № 22-2947/2011 // Консультант плюс: справочно-правовая система.

32. Приговор Кировского районного суда г. Самары Самарской области от 01 июня 2022 г. по делу № 1-79/2022 // Консультант плюс: справочно-правовая система.

33. Приговор Куйбышевского районного суда г. Самары Самарской области от 24 ноября 2023 г. по делу № 1-248/2023 // Консультант плюс: справочно-правовая система.

34. Приговор Лаишевского районного суда Республики Татарстан от 11 августа 2017 г. по делу № 1-79/2017 // Консультант плюс: справочно-правовая система.

35. Приговор Нальчикского городского суда Кабардино-Балкарской Республики от 14 декабря 2020 г. по делу № 1-1132/2020 // Консультант плюс: справочно-правовая система.

36. Приговор Россошанского районного суда Воронежской области от 02 октября 2023 г. по делу № 1-262/2023 // Консультант плюс: справочно-правовая система.

37. Приговор Центрального районного суда г. Волгограда от 19 октября 2020 г. по делу № 1-448/2020 // Консультант плюс: справочно-правовая система.

38. Прокурор разъясняет. Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ) // [Электронный ресурс]. https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_78/activity/legal-education/explain?item=25191174 (дата обращения: 20.02.2024).

39. Пудовочкин Ю.Е. Ответственность за преступления против несовершеннолетних по российскому уголовному праву. / Ю.Е. Пудовочкин – СПб., 2017. 121 с.

40. Пушкин А.В. Особенности объективных признаков состава вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления // Актуальные проблемы борьбы с преступностью. 2017. № 1. С. 112-123.

41. Семинская А.П. Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления и иных антиобщественных действий по законодательству зарубежных стран // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 4. Правоведение. 2019. № 2. С. 95-103.

42. Сидорова Е.З. К вопросу разграничения смежных составов преступлений, связанных с побуждением к совершению самоубийства // Век качества. 2021. № 1. С. 140-152.

43. Таюрская Е.А. Политическая, идеологическая, национальная, расовая, религиозная ненависть или вражда как мотивы совершения преступления // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. № 3 (50). 2009. С. 21-26.

44. Тихомиров А.С. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления: особенности объективной стороны состава преступления // Законность и правопорядок в современном обществе. 2017. С. 159-163.

45. Травников А.В. Актуальные проблемы квалификации вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления // Научный вестник Омской академии МВД России. 2021. № 3. С. 194-199.

46. Уголовный кодекс Грузии [Электронный ресурс]. <https://www.matsne.gov.ge/ru/document/view/16426?publication=247> (дата обращения: 21.11.2023).

47. Уголовный кодекс Испании // [Электронный ресурс]. <https://docs.yandex.ru/doc> (дата обращения: 21.11.2023)

48. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / Под ред. А.И. Коробеева, пер. с китайского Д.В. Вичикова. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. 303 с.

49. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-3 // [Электронный ресурс]. <https://уголовный-кодекс.бел/> (дата обращения: 21.11.2023).

50. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V // [Электронный ресурс]. https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252&sub_id=1320000&pos=2224;-54#pos=2224;-54 (дата обращения: 21.11.2023).

51. Уголовный кодекс Республики Молдова от 18 апреля 2002 года № 985-XV // [Электронный ресурс]. https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30394923&doc_id2=30394923#pos=299;-108&pos2=2710;-98 (дата обращения: 21.11.2023).

52. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

53. Уголовный кодекс РСФСР 1960 года // [Электронный ресурс]. <https://ru.wikisource.org/wiki> (дата обращения: 21.11.2023).

54. Уголовный кодекс Украины от 5 апреля 2001 года № 2341-III // [Электронный ресурс]. https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30418109&pos=2744;-60#pos=2744;-60 (дата обращения: 21.11.2023).

55. Уголовный кодекс Франции // [Электронный ресурс]. <https://constitutions.ru/?p=25017> (дата обращения: 21.11.2023).

56. Уголовный кодекс ФРГ // Пер. и предисл. А.В. Серебренниковой. – М., 2008. 200 с.

57. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // [Электронный ресурс]. <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ulonakaz1845> (дата обращения: 21.11.2023).

58. Факова Р.А., Рябова Л.В. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления: проблемы квалификации // Вестник науки. 2020. № 5. С. 136-140.

59. Федеральный закон от 29.12.2012 №273-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об образовании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 11. Ст. 7598.

60. Хиноверов И.Д. Способ вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления как необходимый элемент криминалистической характеристики преступления // Сборник научных статей по материалам V Международного научно-практического круглого стола. Санкт-Петербург, 2021. С. 145-151.

61. Чумакова Г.Ю. Зарубежный опыт противодействия вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления или иных антиобщественных действий // [Электронный ресурс]. https://zolotojvek.ru/publikacii/na_portale/material?n=35904 (дата обращения: 21.11.2023).

62. Berkovits L. Aggression: A social psychological analysis. N.Y., – 1962. 256 p.

63. Boutros Ladeia Eduardo, Benedicto Ottoni. The effect of verbal information about model's competence on overimitation by preschool children // Journal of Experimental Child Psychology. 2019. № 186. P. 189-200.

64. Durlak J.A., Weissberg R.P., Dymnicki A.B., Taylor R.D., Schellinger K.B. The impact of enhancing students' social and emotional learning: A meta-analysis of school-based universal interventions. Child Development. 2011. № 82 (1). P. 405-432.

65. Elias M.J. The Educator's Guide to Emotional Intelligence and Academic Achievement // Thousand Oaks, Calif.: Corwin Press. 2006. 273 p.

66. Fantuzzo J., Bulotsky-Shearer R., McDermott P.A., McWayne C. Investigation of dimensions of social-emotional classroom behavior and school readiness for low-income urban preschool children. School Psychology Review. 2007. № 36. P. 44-62.